

ТАМБОВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ.

№ 34-й.

29-го Августа 1909 года.

ТАМБОВЪ.

Электро-Типографія Губернскаго Правленія.

LXX

ГОДЪ.

ТАМБОВСКИЙ ЕПАРХИАЛЬНЫЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ

№ 34

Выходятъ еженедельно по субботамъ. Подписка принимается въ Редакціи, при Духовной Семинаріи.

29 АВГУСТ.
1909 ГОДА.

Годовая цѣна съ пересылкою и доставкой 6 р. 25 к. Подписка на время менѣе года и продажа отдѣльныхъ номеровъ не допущаются.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

У К А З Ъ

Святѣйшаго Синода на имя Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Иннокентія, объ открытіи прихода.

Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 17-го августа 1909 г. за № 11031, открыть при новоустроенной церкви въ деревнѣ Голодай-Ильинкѣ, Тамбовскаго уѣзда, самостоятельный приходъ съ причтомъ изъ священника и псаломщика съ тѣмъ, чтобы содержа-

ніе причта новооткрытаго прихода относилось исключительно на изысканныя мѣстныя средства.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

Опредѣлены: на священническое мѣсто къ церкви с. Оедяева, Шацкого у., окончившій миссіонерскіе курсы въ г. Казани діаконъ Ѳеодоръ Самородовъ, 18 августа; на псаломщическое мѣсто къ Александрo-Невской церкви при Тамбовской Губернской Земской Больницѣ окончившій курсъ Тамбовской Духовной Семинаріи Модестъ Сладкопѣвцевъ, съ возведеніемъ въ санъ діакона, 19 августа.

Отрѣшены отъ мѣстъ: священникъ с. Мучкана, Борисоглѣбскаго у., Алексѣй Сохранскій, 10 августа; діаконъ с. Срединовки, Тамбовскаго у., Василій Промовъ, 10 августа; діаконъ с. Тернового, Козловскаго у., Владиміръ Софійскій, 10 августа; псаломщикъ с. Лукина, Кирсановскаго у., Петръ Базилевъ, 8 августа.

Исключаются изъ списковъ: за смертію — діаконъ с. Дворянщины, Кирсановскаго у., Веніаминъ Камневъ, 41 гсда; умеръ, состоя на службѣ, 25 іюля; въ семействѣ остались жена и четверо дѣтей; псаломщикъ с. Богословки, Новиково тожъ, Тамбовскаго у., Валеріанъ Орловъ, 29 лѣтъ; умеръ, состоя на службѣ, 24 іюля; въ семействѣ осталась жена.

Назначенъ на должность духовно-судебнаго слѣдователя 2 Лебединскаго округа, священникъ с. Слободки Петръ Веселовскій.

Уволенъ, согласно прошенію, отъ должности духовно-судебнаго слѣдователя 2 Лебединскаго округа священникъ с. Монаенокъ *Михаилъ Орловъ.*

Резолюціею Его Преосвященства окончившій курсъ Тамбовской Духовной Семинаріи Евгеній Покровский назначенъ и. д. надзирателя 1 Тамбовскаго духовнаго училища, 14 августа.

СПИСОКЪ

свободныхъ священно-церковно-служительскихъ мѣстъ по Тамбовской епархіи.

Священническія мѣста:

1) При церкви с. Кочетовки, Тамбовскаго у., свободно съ 14 августа (См. № 33 Епарх. Вѣд.).

2) При церкви с. Мучкана, Борисоглѣбскаго у., свободно съ 19 августа (См. № 27 Епарх. Вѣд.).

3) При вновь выстроенной церкви въ дер. Голодай-Ильинкѣ, Тамбовскаго у., свободно съ 17 августа; причта по штату положено: священникъ и псаломщикъ; земли 33 дес., дома для причта церковныя, д. м. п. 660.

Діаконскія мѣста:

1) При церкви с. Колтырина, Шацкаго у.

2) При церкви с. Подгорнаго, Борисоглѣбскаго у.

3) При церкви с. Куликова, Темниковскаго у.

4) При церкви с. Серединовки, Тамбовскаго у., свободно съ 19 августа; причта по штату положено: священникъ, діаконъ и псаломщикъ, земли 33 дес., д. м. п. 1550.

5) При церкви с. Тернового, Козловскаго у., свободно съ 19 августа; причта по штату положено: священникъ, діаконъ и псаломщикъ, земли 39 дес., д. м. п. 1870.

6) При церкви с. Дворянщины, Кирсановскаго у., свободно съ 18 августа; причта по штату положено: два священника, дьяконъ и два псаломщика, земли 63 дес., причтъ получаетъ пособіе отъ казны, въ размѣрѣ 950 р. въ годъ, д. м. п. 1823.

Псаломщическія мѣста:

- 1) При Вознесенской церкви г. Спасска.
- 2) При церкви с. Щербатовки, Елатомскаго у.
- 3) При церкви с. Ново-Никольскаго, Усманскаго у.
- 4) При церкви с. Старой Пичиморги, Спасскаго у.
- 5) При церкви с. Темирева, Елатомскаго у.
- 6) При Христорождественской церкви г. Лебедяни.
- 7) При церкви с. Богословки-Новикова Тамбовскаго у., свободно съ 14 августа; причта по штату положено: священникъ, дьяконъ и псаломщикъ, земли 33 дес., д. м. п. 1827.
- 8) При вновь выстроенной церкви въ дер. Голодаѣ-Ильинкѣ Тамбовскаго у. (См. священническія мѣста).
- 9) При церкви с. Лукина, Кирсановскаго у., свободно съ 20 августа; причта по штату положено: два священника, дьяконъ, и два псаломщика; земли 66 дес., д. м. п. 2426; причтъ получаетъ пособіе отъ казны, въ размѣрѣ 950 р. въ годъ.

Отъ Правленія Тамбовской Духовной Семинаріи.

РАСПИСАНІЕ

экзаменовъ и переэкзаменовокъ для воспитанниковъ Тамбовской Духовной Семинаріи въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1909 г.

Сентября 17. Священное Писаніе во всѣхъ классахъ, кромѣ IV класса.

- Сентября 18. Философія, Психологія и Логика и Нѣмецкій языкъ
„ 19. Гомилетика, Литургика, Практическое руководство.
и Гражданская Исторія.
„ 21. Догматическое, Нравственное и Основное Богословіе,
Теорія Словесности и Исторія Литературы.
„ 22. Дидактика, Физика и Математика.
„ 23. Церковная Исторія и Латинскій языкъ.
„ 24. Письменные упражненія.
„ 25. Церковное пѣніе и медицина.
„ 28. Св. Писаніе для IV класса, Расколъ и Обличительное
Богословіе, Греческій и Французскій языки.
„ 29—30. Педагогическое собраніе.

2 октября. Въ 9 час. утра молебень и классныя занятія.

И. д. Ректора, Инспекторъ Семинаріи А. *Ржабенскій*.

Секретарь Правленія А. *Нечаевъ*.

Отъ Тамбовскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

18 августа с. г. Канцелярія Епархіальнаго Училищнаго
Совѣта переведена въ домъ Тамбовскаго Богородично-Серафимов-
скаго Миссіонерскаго Братства (уголъ Большой и Дубовой улицъ,
входъ съ Дубовой улицы).

Отъ Правленія Тамбовской Духовной Сими- наріи.

Правленіе Семинаріи симъ доводитъ до свѣдѣнія воспитан-
никовъ Семинаріи и ихъ родителей, что прошенія о приѣмъ на

казенное содержаніе, о назначеніи стипендій и пособій, а равно объ освобожденіи отъ платы за право обученія иннословныхъ воспитанниковъ должны быть поданы на имя Ректора Семинаріи не позже 10 сентября сего года. Къ прошеніямъ должны быть приложены удостовѣренія о семейномъ и матеріальной положеніи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно должны быть сдѣланы установленные взносы въ Правленіе Семинаріи по 25 р. за полугодіе съ казеннокштныхъ воспитанниковъ, родители которыхъ состоятъ на службѣ.

Отъ подачи прошеній освобождаются казеннокштные воспитанники-сироты, кромѣ вновь поступающихъ, которые также обязаны подавать прошенія.

И. д. Рек., Инспек. Семинар. *Александръ Ржавенскій.*

Секретарь Правленія *А. Нечаевъ.*

Содержаніе. Отдѣлъ оффиціальный. I. Указъ Святѣйшаго Синода II. Епархіальныя распоряженія и извѣстія. III. Спись свободн. священно-церковно-служит. мѣсть въ Тамбовской епархіи. IV. Объявленія.

Редакторъ, Секретарь Консисторіи *А. Андріевскій.*

Цензоръ, Протоіерей *П. Успенскій.*

Пріѣздъ Преосвященнаго.

Преосвященный Иннокентій, Епи-

скопъ Тамбовскій и Шацкій 24-го сего

Августа переѣхалъ съ загородной да-

чи на жительство въ зимній домъ, гдѣ

пріемъ просителей будетъ производить-

ся ежедневно съ 9 до 2¹/₂ час. дня.

своими силами, а также и в том, что в своем
дело освобождения от власти не только не было
никакого сомнения, но и было признано, что
дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было

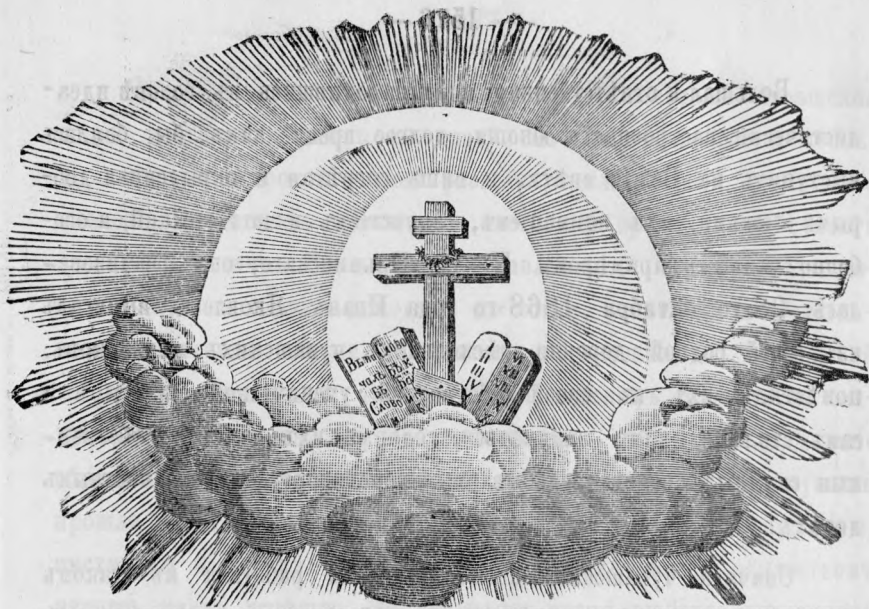
дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было

дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было

дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было

дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было

дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было
дело это не только было признано, но и было

№ 34. ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ | 1909 г.

Бодрая школа.

28-го октября минувшаго 1908-го года исполнилось 40 лѣтъ со времени возникновенія въ Симбирскѣ замѣчательной въ своемъ родѣ чувашской учительской школы.

Учредителемъ этой школы былъ гимназистъ V класса Симбирской классической гимназіи, Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ, происходившій изъ чувашъ Буинскаго уѣзда, Симбирской же губерніи.

Въ гимназію онъ поступилъ уже довольно зрѣлымъ юношей, послѣ упорной работы надъ своей учебной подготовкой. На школьной скамьѣ онъ сразу зарекомендовалъ себя со стороны недюжинныхъ дарованій, желѣзной энергіи и умной предприимчивости. А скоро стало извѣстно, что въ головѣ юноши-гимназиста зародилась идея подѣлиться своими знаниями и своей культурой съ родными чувашами, которые почти въ собственномъ смыслѣ слова „сидѣли во тьмѣ и сѣни смертной“.

Большая и отвѣтственная идея, зародившись въ головѣ идеалистически настроеннаго юноши, долгое время какъ бы боялась выступить на Божій свѣтъ, и лишь согрѣтая и окрыленная добрыми людьми, ихъ вниманіемъ, сочувствіемъ и поддержкой, а особенно живымъ примѣромъ Н. И. Ильминскаго, она реализовалась. 28-го октября 1868-го года Иванъ Яковлевъ выписалъ изъ своей родной деревни нѣсколькихъ чувашскихъ мальчиковъ, помѣстивъ ихъ въ своей собственной ученической квартирѣ и самъ сталъ съ ними заниматься, держа ихъ на свои собственные свудныя средства, добываемыя ренетиторствомъ въ частныхъ домахъ.

Сначала чувашская школа Яковлева работала въ такомъ отъединеніи отъ общества и въ такой скромности, что кромѣ кружка близкихъ въ Яковлеву лицъ о ней никто и не зналъ. Но скоро молодые люди, знающіе, работоспособные и практичные, какіе стали выходить изъ чувашской школы въ Симбирскѣ, невольно обратили на себя вниманіе общества, земства, и школа быстро завоевала себѣ всеобщія симпатіи. Въ 1875 году школа Яковлева, когда онъ ужъ блестяще окончилъ курсъ Казанскаго университета и состоялъ окружнымъ инспекторомъ чувашскихъ школъ, была принята на казенное содержаніе и изъ частнаго учрежденія обратилась въ государственное, а въ 1890 г. она получила права учительскихъ семинарій, при чемъ на содержаніе ея стало отпускаться изъ государственнаго казначайства 10,940 рублей.

Въ 1878 г. при школѣ было открыто женское училище для подготовленія учительницъ въ чувашскія школы.

Въ настоящее время при школѣ существуютъ два приходскихъ образцовыхъ училища—мужское и женское—и женскіе педагогическіе курсы. Общее число учащихся въ школѣ достигаетъ 300 чел.

За 40 лѣтъ своей дѣятельности Симбирская чувашская школа достигла рѣдкихъ по своей значительности результатовъ. Просвѣщеніе широкой волной распространилось среди чувашскаго племени. Грамотныхъ чувашъ въ настоящее время нужно считать десятками тысячъ. Въ хорошо поставленныхъ чувашскихъ школахъ, число которыхъ доходитъ до сотни, учителями и учительницами состоятъ чуваша, получившіе образованіе въ чувашской школѣ въ Симбирскѣ. Во многихъ чувашскихъ приходяхъ священствуютъ чуваша же, по выходѣ изъ школы продолжавшіе образованіе въ духовной семинаріи. Нѣкоторые же изъ чувашъ прошли и высшую школу—духовныя академіи, университеты, институты и т. дал. Дѣло борьбы съ невѣжествомъ и азычествомъ чувашъ идетъ успѣшно. За послѣднее время особенно участились ходатайства чувашъ объ открытіи новыхъ приходовъ, о сооруже- ніи новыхъ храмовъ и организаціи монастырей, а также объ открытіи новыхъ школъ, но уже не начальныхъ только, а двухклас- сныхъ, сельско-хозяйственныхъ, ремесленныхъ и т. п. Особенно много сдѣлала Симбирская школа въ смыслѣ просвѣщенія чувашъ, перевода и въ тысячахъ экземпляровъ среди чувашскаго населе- нія распространивъ книги Священнаго Писанія, богослужебныя книги, а также многія руководства по сельскому хозяйству, по медицинѣ, книги историческія и т. д.

Культурныя заслуги Симбирской чувашской школы были слиш- комъ очевидны для мѣстнаго общества, а потому юбилейный день шко- лы—28 октября минувшаго года—прошелъ для нея, какъ день нео- бычайнаго торжества, въ которомъ приняли участіе представители различныхъ учрежденій г. Симбирска и другихъ городовъ губерніи, а также представители различныхъ слоевъ общества. По поводу юбилея школы дѣятельность ея достойнымъ образомъ была отмѣчена во многихъ органахъ свѣтской печати, а также и духовной, и это дало намъ основаніе подѣлиться съ читателями „Руководства для сельскихъ пастырей“ мыслями учредителя школы—нынѣ дирек-

тора ея, Ив. Як. Яковлева—по вопросам педагогики, выработавшимися—главнымъ образомъ — въ горнилѣ его счастливаго опыта. Думаемъ, что не безынтересно знать, на какихъ основахъ жила, крѣпла и расцвѣтала Симбирская школа въ то время, какъ тысячи другихъ, въ томъ числѣ и духовныхъ, школъ постепенно умирали и—во всякомъ случаѣ—клонились къ упадку и развалу.

— Въ первое время моей педагогической дѣятельности,—говорилъ намъ Иванъ Яковлевичъ,—я руководился принципомъ, который я—долженъ сознаться—выражалъ не совсѣмъ красивыми словами. „Нужно,—говорилъ я,—*душить* учениковъ работой“. Это не значитъ, конечно, что моя школа подавляла учениковъ учебнымъ матеріаломъ, а означаетъ лишь то, что мы не боялись работы и тѣхъ ея послѣдствій, которыя на теперешнемъ модномъ языкѣ называются переутомленіемъ, неврастоніей и т. под. Я и мои ученики—дѣти природы и трудового народа. Если у нашихъ отцовъ и братьевъ мозоли на рукахъ, то у насъ должны быть и во всякомъ случаѣ могутъ быть мозоли въ головахъ. Не нуженъ избытокъ работы, вредно обремененіе его, но обиліе и разнообразіе ея—это необходимость, и не горькая, а очень часто сладкая и отрадная.

Цѣль нашей школы заключалась въ томъ, чтобы готовить учителей, а потомъ и учительницъ въ начальныя чувашскія школы. Я не буду говорить о нуждѣ и смыслѣ у насъ начального народнаго образованія, потому что это было бы равносильно тому, еслибы я началъ доказывать, что для всякаго человѣка нуженъ воздухъ. Напротивъ, я долженъ сказать, что дѣло народнаго образованія началось у насъ слишкомъ поздно, долгое время велось недостаточно настойчиво и энергично, а потому очень часто начальное образованіе не приносило и не приноситъ тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ, которые оно необходимо должно было бы приносить по своей природѣ. Начальное образованіе въ былой

своей постановкѣ, а отчасти и въ теперешней не несетъ въ темную народную массу необходимаго свѣта и нужнаго тепла, не помогаетъ выработкѣ въ народѣ твердыхъ и несдвигимыхъ идеаловъ и не даетъ даже простой сметки, какъ непремѣннаго условія болѣе продуктивной работы въ сферѣ практическаго народнаго труда. Чтобы начальное образованіе было не пустымъ звукомъ, не фикціей, а дѣйствительно благотворнымъ началомъ для народной жизни, я поставилъ своей задачею готовить такихъ учителей, которые сознавали бы, что они будутъ полезными для народа дѣятелями лишь въ томъ случаѣ, если сами они будутъ обладать крѣпкими и дѣйствительно нужными для народа знаніями, если свои знанія и вмѣстѣ свою культуру они будутъ умѣть передавать народу вѣрными и цѣлесообразными методическими приемами, если они будутъ смотрѣть за свое дѣло не какъ на средство существованія, а какъ на святое служеніе, какъ на подвигъ всей своей жизни, если въ дѣятельности своей они будутъ стремиться не къ тому лишь, чтобы выполнить программу, а къ тому, чтобы одушевить программу, заполнить ее духомъ высшаго сознанія и глубочайшаго смысла, пойти дальше ея. Готовляя учителей, я ставилъ предъ ними высокіе и широкіе идеалы. Я говорилъ имъ, что служеніе ихъ велико и отвѣтственность предъ народомъ безгранична. При этомъ, какъ на образцы для подражанія, я указывалъ имъ не на тѣхъ плохихъ учителей, какихъ они могли видѣть въ жизни, а на великихъ педагоговъ міра. Я убѣждалъ ихъ, что нужно быть учителями не такими, „какъ другіе“, а такими, какими *должно* быть. Само собою разумѣется, что при такомъ взглядѣ на дѣло мои ученики—будущіе учителя—должны были много работать. И они работали. Лѣниться мы не любили. Лѣнность считали гнуснымъ, недостойнымъ чловѣка порокомъ и лѣнтяевъ презирали такъ, что они помимо всякаго вѣшняго давленія не могли оставаться въ нашей школѣ. Они уходили сами, отпадали отъ организаціи школы, какъ сухіе листья со здороваго дерева.

Ближайшая задача учительской школы была въ томъ, что бы школьнымъ путемъ прививать темное чувашское населеніе къ русской государственности, къ русской культурѣ. Цѣль ясна. Определенны были и средства. Важнѣйшими предметами были у насъ русскій языкъ и методика. Въ отношеніи русскаго языка мы не скупились ни на разговорные уроки, ни на грамматическія упражненія, ни на чтеніе образцовъ классической русской рѣчи, ни на писаніе сочиненій. Последнему виду занятій всегда придавалось особо важное значеніе, и несомнѣнно, что, благодаря именно самостоятельнымъ упражненіямъ въ изученіи русскаго языка, у насъ въ этой области и достигались хорошіе результаты: черезъ 3—4 года обученія, чуваша, до сихъ поръ не слыхавшіе ни звука по-русски, въ совершенствѣ овладѣвали и русскимъ языкомъ, и—особенно—русскимъ перомъ. Въ области дидактики широкое мѣсто отводилось практическимъ урокамъ по обученію дѣтей, писанію подробныхъ ихъ конспектовъ и обстоятельному ихъ обсужденію въ присутствіи товарищей практиканта и учителей. Но учитель долженъ быть не только практикомъ, но и теоретикомъ въ томъ смыслѣ, что практическіе приемы его должны быть обоснованы на опредѣленныхъ, строго провѣренныхъ логическихъ посылкахъ и одобрены со стороны педагогической исторіи. Съ этой цѣлью у насъ на ряду съ методикой русскаго языка и другихъ предметовъ преподается и педагогика. Но мы не изучаемъ педагогику по параграфамъ и исторію ея по отрывкамъ сочиненій разныхъ педагоговъ. Лучше, чѣмъ знать изъ педагогики кое-что и кое-какъ,—лучше твердо знать хорошую систему хорошаго мыслителя одного, но въ цѣломъ видѣ. Богатое наслѣдство одного великаго ума гораздо цѣннѣе ничтожныхъ копеекъ всѣхъ существующихъ богачей мысли. Руководствуясь этимъ соображеніемъ, мы долгое время изучали педагогику по знаменитой „Великой Дидактикѣ“ Амоса Коменскаго, штудировавъ подлинный ея текстъ въ классныхъ занятіяхъ въ качествѣ обя-

зательнаго учебнаго матеріала, а затѣмъ по системѣ самобытнаго русскаго педагога-философа П. Д. Юркевича.

Чуваши — недавніе язычники-фетишисты. Христіанствомъ просвѣщаютъ ихъ давно, но христіанство прививается къ нимъ туго. Ученики моей школы должны были быть не только учителями среди чувашъ, но и миссіонерами для нихъ. Понятно поэтому, что широкое мѣсто отводилось въ нашей школьной программѣ и религіи. Для меня ясно, что религія — дѣло не столько разсудка, сколько сердца и воли. Религія — это нѣжный, благоухающій цвѣтокъ, который не терпитъ холода неволи или принужденія. Религія требуетъ самаго чуткаго и тонкаго обращенія и осторожнаго возгрѣванія. Поэтому мы не насаждали въ школѣ религіи суровыми предписаніями, сухими формулами учебниковъ и даже строгими тезисами катехизиса, хотя мы придавали свое значеніе и этимъ средствамъ религіознаго воспитанія. Но въ общемъ мы не столько учили религіи, сколько учились ей изъ наблюденія тайнъ природы, изъ интимнаго общенія съ Богомъ въ молитвѣ, которой придавалось особо важное значеніе, изъ чтенія Священнаго Писанія, твореній отцовъ Церкви, художественныхъ произведеній на религіозныя темы и т. под. Изъ нашей школы вышло не мало священниковъ и много лицъ, искренно и самоотверженно преданныхъ вѣрѣ и Церкви. И этимъ школа наша могла бы особенно гордиться. Нѣжный ростокъ духа, религія, преломляясь въ условіяхъ быта и жизни, вырастаетъ въ могучее, широколиственное дерево, обращается въ стальные скрѣпы, которыми разнообразныя элементы жизни и явленія ея стягиваются въ одно стройное и нерушимое цѣлое. Прилагаясь къ жизни, духовное религіозное начало становится фундаментомъ, на которомъ только и могутъ построиться различныя формы человѣческихъ отношеній: политическихъ, соціальныхъ, научныхъ, эстетическихъ и т. дал. Нѣтъ будущаго для народа, если въ сердцѣ его нѣтъ религіи. Наоборотъ, великъ тотъ народъ, который умѣетъ

вѣрить. Такъ всегда было, такъ будетъ. Россія велика, но лишь до тѣхъ поръ, пока она является страной богопочетъ. Поколеблется тысячелѣтная вѣра народная, и гдѣ ты дѣвалася „мощь высокая, сила гордая, доблесть царская?“ Но не нужно говорить о томъ, чего нѣтъ и быть не можетъ. Для святой Руси Церковь и живущій въ ней духъ—это ея атмосфера, ея родная стихія, воздухъ, пища и питіе, отъ чего она никогда не можетъ отказаться за все то время, пока будетъ существовать. Въ виду огромнаго значенія религіи въ жизни и въ виду ближайшей миссіонерской задачи школы, мы и смотрѣли на религію, какъ цементирующее начало по отношенію ко всей нашей школьной работѣ, и если бы меня спросили, на какихъ китахъ стояла ваша школа въ теченіе 40 лѣтъ, то я сказалъ бы:

— *И на религіи.*

Занимаясь русскимъ языкомъ, педагогикой и Закономъ Божіимъ, мы не забывали и того, чѣмъ живетъ свѣтское общество даннаго момента, но не для того, чтобы подлаживаться къ обществу или полемизировать съ нимъ, а для того, чтобы лучше понимать наше прямое дѣло. Для меня слишкомъ ясно, что если человѣкъ весь преданъ своему дѣлу, если дѣлаетъ онъ его наилучшимъ и наивѣрнѣйшимъ способомъ, если добрые результаты его дѣла на лицо; то зачѣмъ и къ чему ему придаживаться? съ кѣмъ полемизировать? Тутъ все предъ глазами: „прииди и виждь“. Такъ мы изучали и художественную литературу, но не для того, чтобы быть въ курсѣ дѣла и стоять съ вѣкомъ наравнѣ и непременно знать то, что въ данный моментъ появляется на книжномъ рынкѣ. Нѣтъ. Мы процѣживали литературу сквозь самый недовѣрчивый фильтръ. Наша задача заключалась въ томъ, чтобы въ грубой и темной народной средѣ насадить больше человѣчности и религіозности, а потому изъ литературы мы брали лишь положительные, свѣтлые и религіозно-настроенные характеры и изучали лишь высокіе и благородные идеалы. Зла, безобразья и всякой низости

такъ много въ самой жизни. Грязь и пошлость повседневности известны всѣмъ и каждому по непосредственной близости къ неприглядной житейской обстановкѣ. Зачѣмъ же еще это возведеніе будничной грязи въ безобразный, но художественный апофеозъ, и зачѣмъ созерцаніе этого апофеоза? Мы не читали всей литературы, а выбирали лишь лучшее изъ нея и идущее къ нашей цѣли. Мы были прямолинейны и не позволяли колебаній изъ стороны въ сторону. Цѣль наша была намъ ясна. Были ясны и средства. Тѣмъ, кто съ нами не соглашался, мы не запрещали уходить отъ насъ, отпадать. Но такихъ не было, вѣроятно, и потому, что, заставляя дѣлать лишь то, что нужно было для нашей цѣли, мы не насилывали чужой воли, а вступали съ ней, такъ сказать, въ обоюдное соглашеніе. Чтобы ученикъ не могъ заниматься тѣмъ, что не отвѣчаетъ задачамъ школы, мы не запрещали ему, напр., читать тѣхъ или другихъ книгъ, не составляли своихъ индексовъ: мы просто требовали знанія того, что нужно было на нашу взгляды. Этого нужнаго было такъ много, что у ученика самого времени не доставало для занятія сторонними пустяками. Создавъ школу почти единоличными трудами, я не могъ допустить, чтобы школа была не тѣмъ, для чего она создана, обращалась въ игрушку какихъ либо модныхъ и легкомысленныхъ теченій. Цѣль моей школы была настолько серьезна и высока, она была такъ идеальна, что временная мода—по моему убѣжденію—всегда должна была быть ниже ея, и потому я никогда не гнался за модой и не дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ нынѣшняго дня. Я искалъ дѣла, а не популярности. И пужны мнѣ были работники, а не вертопрахи съ фаршированными мозгами.

Школа наша готовила и готовить учителей и миссіонеровъ въ деревню, для среды темной и невѣжественной, для обстановки убогой и во всякомъ случаѣ незатѣливой. Наши учителя и миссіонеры готовятся пойти на то поле, гдѣ рабочіе работаютъ съ израненными руками и ногами, гдѣ они часто

дѣты въ лохмотья, гдѣ на всеи почти лежитъ отпечатокъ недостатка и гора. Было бы нелѣпо, если бы въ эту среду пришли миссіонеры или учителя избѣженныя, капризныя, съ модными манерами, въ щеголеватомъ платьѣ, съ непривычкой и даже отвращеніемъ къ физическому труду. Такіе учителя и миссіонеры были бы не культурнымъ и культивирующимъ началомъ въ народной средѣ, они не объединяли бы вокругъ себя народной массы и не поднимали бы ее до уровня своего собственнаго развитія, а лишь раздражали бы и оскорбляли бы ее. Поэтому мои ученики жили въ чистотѣ, опрятности, теплѣ и сытости, но отнюдь не въ роскоши, не въ комфортѣ, не въ лѣтѣ. Все, что нужно было дѣлать по школьному хозяйству, они дѣлали сами. Сами рубили дрова, носили воду, мыли полы, рубили капусту, лѣтомъ работали на школьной фермѣ на опытныхъ поляхъ. Это—и внутренняя дисциплина, это—и навыкъ въ сельско-хозяйственныхъ работахъ, въ культурѣ и болѣе цѣлесообразной постановкѣ которыхъ такъ нуждается наша полудикая деревня.

Какъ видите, мы работали не мало. Пожалуй, можно даже подумать, что мы отдыха и развлеченій и не знали совсѣмъ. Но нѣтъ, это было бы несправедливо. Мы отдыхали, хотя и не за картами, не за попойками, не въ театрахъ и не за чтеніемъ пустыхъ романовъ. Карты и все такое—это удѣлъ не создателей жизни, а прожигателей и разорителей ея. Театръ же и романы—это предметъ любовныхъ попеченій опять-таки не людей труда и подлиннаго прогресса, а всякаго рода праздныхъ мечтателей, лѣнивыхъ фантазеровъ, разнокалиберныхъ Маниловыхъ. Театръ и романъ, какъ созданія искусства, какъ плодъ фантазіи, дѣйствуютъ прежде всего на фантазію же, на чувство и развиваютъ чувствительность, мечтательность, капризную причудливость, лѣнь и ложь. Не всегда такъ, а очень часто. Особенно же тогда, когда превышаютъ значеніе театра и искусства, что—къ сожалѣнію—наблюдается у насъ. Театръ, притягивающій къ себѣ вниманіе народа

болѣе, чѣмъ положительный практическій трудъ, не закаляетъ народной воли, а расшатываетъ ее и „разбалтываетъ“ народъ, давая слишкомъ много Маниловыхъ, Обломовыхъ и всякихъ другихъ паразитовъ. Мы же хотѣли не паразитствовать, а работать, а поэтому мы фантазіей своей не хотѣли разбрасываться ни по сторонамъ, ни по засланнымъ туманностямъ; мы не хотѣли уходить отъ дѣла, которое у насъ подъ руками и которое такъ настойчиво требуетъ приложенія активныхъ силъ. Временемъ нашего отдыха были религіозные праздники, и лучшимъ наслажденіемъ была молитва, которая для всякаго вѣрующаго труженика даетъ столь прочный миръ, какого не можетъ дать даже лучшее произведеніе истинно-художественнаго творчества, не говоря уже о тѣхъ беззащитныхъ поддѣлкахъ подъ искусство, которыми такъ многіе восхищаются въ наши дни. Кроме того, мы находили отдыхъ въ томъ, что одно дѣло смѣняли другимъ, отъ практическаго дѣла переходили къ теоретическому и отъ умственной работы къ физической.

Вотъ программа моей школы и устои, на которыхъ она жила и работала въ теченіе сорока лѣтъ. Школа моя многимъ можетъ не нравиться. Но — повторяю — я и не искалъ популярности. Я желалъ только дѣлать дѣло, нужда въ которомъ для многихъ соотечественниковъ была внѣ всякаго сомнѣнія. Что я сдѣлалъ — судить не мнѣ, но для меня въ концѣ моихъ трудовъ такъ же, какъ и въ началѣ ихъ, совершенно ясно, что для успѣха дѣла нужно опредѣленно представлять цѣль его и избирать средства прямыя и вѣрныя. Гдѣ нѣтъ званія цѣли, тамъ нѣтъ одушевленія, нѣтъ увѣренности въ работѣ, тамъ недовольство собой, горькій развѣдающій самоанализъ, слабОВОліе и раздражающее увязаніе въ сѣтяхъ всякихъ недоразумѣній и непредвидѣнностей. Тамъ же, гдѣ есть цѣль, но нѣтъ вѣрныхъ средствъ, тамъ получается то же, что у врача, который знаетъ болѣзнь, но не знаетъ медикаментовъ, и который, употребляя для извѣстной ему цѣли негодныя

средства, не служить дѣлу, а губить его, не лѣчить больного, а убиваетъ его. Нѣтъ, гдѣ отсутствуетъ ясная цѣль, гдѣ нѣтъ въ распоряженіи опредѣленныхъ средствъ, тамъ нѣтъ работы, тамъ губительный туманъ и опасная ложь.

(„Руководство для сельск. пастырей“).

Религіозная жизнь въ Америкѣ.

Какъ это ни странно на первый разъ, но такіе извѣстные знатоки американской жизни, какъ профессоръ Лопухинъ и докторъ медицины Н. Я. Пясковскій, свидѣтельствуютъ, что въ цивилизованномъ мірѣ нѣтъ болѣе религіознаго народа, чѣмъ американцы. Америка, по своему уметственному характеру, по своей культурѣ, есть страна позитивныхъ знаній, положительной науки, страна техники; тамъ физическія, естественныя и техническія науки занимаютъ первенствующее положеніе, а между тѣмъ съ этими знаніями въ Америкѣ стоитъ въ самомъ тѣсномъ союзѣ христіанское міросозерцаніе, глубокая и пламенная вѣра въ Іисуса Христа, какъ Богочеловѣка.

При конгрессѣ и законодательныхъ собраніяхъ въ Америкѣ обязательно участвуютъ священники, или капелланы, молитвою которыхъ открываются засѣданія. Во всѣхъ народныхъ школахъ начало занятій открывается обязательно чтеніемъ Библии. Во многихъ штатахъ введены обязательныя требованія отъ кандидатовъ на общественныя должности подписки въ томъ, чтобы они были вѣрующими въ Бога и въ будущую жизнь. Такъ, въ Пенсильваніи конституція требуетъ, чтобы кандидатъ на общественныя должности подписывалъ исповѣданіе, что онъ вѣруетъ въ Бога и въ загробную жизнь, конституція штата Мэрилендъ предоставляетъ права только лишь вѣрующимъ въ Бога.

Американцы вмѣстѣ съ тѣмъ прилагаютъ большія заботы къ тому, чтобы дать подрастающему поколѣнію глубоко религіоз-

ное воспитаніе. Въ школахъ кромѣ обязательнаго чтенія Библіи еще поютъ религіозныя гимны и псалмы Давида. При школьныхъ торжествахъ произносятся рѣчи духовными лицами и проповѣдниками. Благодѣтельность религіознаго воспитанія въ Америкѣ замѣчается и на американскихъ студентахъ, которые во время своихъ увеселительныхъ прогулокъ въ лѣсахъ, среди полей и луговъ, вмѣсто заливчатскихъ пѣсень, очень часто поютъ различные религіозныя, священные гимны. Замѣчательно, что тамъ во главѣ университетовъ и коллегій иногда стоитъ ректоръ изъ духовныхъ лицъ. Въ виду такого направленія низшаго, средняго и высшаго образованія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ не удивительно, что тамъ вся умственная жизнь и литература сильно проникнута религіознымъ направленіемъ. Совершенно обратно нашей молодежи, даже обучающейся въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, американская молодежь первая поддается волнѣ религіознаго увлеченія и такую остается во всю свою послѣдующую жизнь.

Библія является настольной книгой въ американской семьѣ и положительно „находится постоянно не только въ рукахъ, но и въ мысляхъ и сердцахъ народа“ (Лопухинъ). Библія встрѣчается прежде всякой другой книги не только въ каждомъ домѣ, но и въ каждомъ отелѣ, ресторанѣ; тексты изъ Библіи пишутся даже на визитныхъ карточкахъ, на дверяхъ, ихъ можно встрѣтить даже въ газетныхъ объявленіяхъ.

Когда въ 1881 году въ Америкѣ появился въ свѣтъ новый переводъ Библіи на англійскомъ языкѣ, то въ самый первый день его появленія въ продажѣ въ Нью-Йоркѣ его разошлось 300.000 экземпляровъ, на другой день 200.000 и т. д. Одна газета въ городѣ Чикаго, отстоящемъ отъ Нью-Йорка на разстояніи 2000 верстъ, чтобы поскорѣе познакомить своихъ многочисленныхъ читателей съ этимъ новымъ переводомъ, по телеграфу напечатала Евангеліе отъ Маттея, а въ ближайшемъ вос-

кресномъ выпускѣ напечатала весь Новый Заветъ въ полумилліонѣ экземпляровъ, которые были распроданы всё въ течение одного дня. Газеты недѣли двѣ занимались разборомъ этого перевода.

На страницахъ американскихъ газетъ и журналовъ постоянно попадаются статьи по различнымъ богословскимъ, религіозно-философскимъ и нравственнымъ вопросамъ, о которыхъ у насъ пишутъ только въ духовныхъ журналахъ. „Наши недѣльные журналы, — говоритъ одинъ американскій писатель, — съ возрастающимъ вниманіемъ и интересомъ изслѣдуютъ великіе текущіе религіозные вопросы. Теперь болѣе, чѣмъ во всякую другую эпоху нашей исторіи, писатели наши ставятъ религію главнымъ предметомъ литературы“.

Церковная проповѣдь въ Америкѣ также пользуется величайшимъ вниманіемъ общества. Она является тамъ, безъ преувеличенія, можно сказать, большей общественной силой. Лучшіе американскіе проповѣдники пользуются большимъ почетомъ со стороны общества и печати. Особымъ почетомъ пользовался знаменитый проповѣдникъ Бичеръ, родной братъ всемірно извѣстной писательницы Бичеръ-Стоу, автора повѣсти „Хижина дяди Тома“; проповѣди его часто передавались по телеграфу во всё американскія газеты. Подобныхъ Бичеру проповѣдниковъ въ Америкѣ очень много и проповѣди ихъ обыкновенно печатаются въ понедѣльныхъ номерахъ газетъ.

Вообще американцы весьма горячо и ревностно охраняютъ все, что относится къ области религіозно-нравственной жизни. Воскресный день, на примѣръ, тамъ празднуется и воскресный отдыхъ соблюдается съ необычайной строгостью.

Не ясно ли отсюда, что, благодаря такой религіозно-нравственной настроенности, американцы достигли громаднаго экономическаго могущества и благосостоянія, грандіозной культуры и отличаются необычайной энергіей, сильной волей, необыкновен-

нымъ трудолюбіемъ и такой поразительной трезвостью, что, напримеръ, „только 5% изъ американскихъ рабочихъ позволяютъ себѣ употреблять немного пива“ (Пясковскій).

(Пензен. Епарх. Вѣдом.).

Какое добро для прихода можетъ сдѣлать христіански-просвѣщенная матушка?

(Окончаніе).

V.

Капитолина Дмитріевна сидѣла и слушала. Въ ея душѣ происходила какая-то борьба. Она положительно не ожидала встрѣтить такой отпоръ своимъ мыслямъ. Ей хотѣлось остаться одной съ своими мыслями, и она рѣшила идти домой, но почему-то все не вставала съ мѣста. Чай пить она уже давно кончила. Она какъ-то безучастно смотрѣла на горѣвшую лампу, какъ будто что-то соображая.

Кто-то постучалъ. Отворили. Венелъ рослый малый, въ овчинномъ полушубкѣ и въ рукавицахъ. Это оказался Герасимъ, работникъ о. Павла.

— Матушка, я за вами пріѣхалъ, проговорилъ Герасимъ.

Такое заявленіе какъ нельзя было кстати Капитолинѣ Дмитріевнѣ. Хотя она сочла нужнымъ сказать, что дескать соскучилась, не съ кѣмъ поспорить, тѣмъ не менѣе поторопилась распроститься.

Дорогой она вдругъ пустилась въ разговоръ съ Герасимомъ, расспрашивала его обо всемъ, ни съ того, ни съ сего вдругъ начала толковать про луну, такъ что Герасимъ удивился, потому что раньше отъ нея этого онъ ни разу не слыхалъ. Онъ даже подумалъ: „Ужъ такое предположеніе для него самого показалось

ерундой, потому что онъ зналъ, что матушка—, и въ ротъ не беретъ“.

Довѣхали они очень скоро. По крайней мѣрѣ такъ показалося Капитолинѣ Дмитріевнѣ. Она была въ особомъ расположеніи духа, такъ что такой короткій путь, какъ разстояніе Зарѣчья отъ Лугового, показался совершенно незамѣтнымъ, несмотря на то, что ѣхали всю дорогу шагомъ.

Войдя въ комнату, она нашла о. Павла читающимъ книгу. Спросивъ его на счетъ ужина и получивъ отрицательный отвѣтъ, пошла на кухню распорядиться относительно ужина. Черезъ нѣсколько минутъ ужинъ былъ уже поданъ. Ужинали молча. Изрѣдка перекидывались самыми обыкновенными фразами. О. Павелъ спросилъ, какъ поживаютъ сосѣди; Капитолина Дмитріевна отвѣтила, что ничего; тѣмъ разговоръ и кончился.

Послѣ ужина Капитолина Дмитріевна наскоро ушла въ другую половину дома и легла спать. Но сонъ не шелъ къ ней. Она ворочалась съ бока на бокъ, но уснуть никакъ не могла. Мысли вереницею проносились въ ея головѣ, быстро смѣняя одна другую. Ужь о чемъ она думала, пожалуй, она и сама не могла бы дать отчета. Ей собственно не хотѣлось думать ни о чемъ, но она этого не могла сдѣлать: противныя мысли лѣзли въ голову. Тиканье часовъ раздражало ее. Она подумала: „Ужь не заболѣла—ли я“? И пощупала у себя лобъ. Но голова ничего особеннаго не представляла: жары не было. „Таеъ, раздумье“,—рѣшила она и перевернулась на другой бокъ. Но уснуть опять не уснула. Проклятые вопросы гвоздемъ сидѣли въ головѣ. Она встала и посидѣла на постели. Ей показалось, что она спать собственно хочетъ. „Но почему же я не могу уснуть?—спрашивала она себя. „Не буду думать“,—рѣшила она и опять легла. А о. Павелъ въ это время подошелъ къ двери и прислушался. Затѣмъ отошелъ, зажегъ лампочку и, потушивъ лампу, сталъ читать правило. Потомъ заперъ

дверь на крючекъ, ушелъ спать. Все это Капитолина Дмитріевна слышала, и она наконецъ начала злиться, что не можетъ заснуть.

Ужь какъ долго Капитолина Дмитріевна не спала, она не помнитъ, но только проснулась довольно рано противъ обыкновеннаго и, къ своему удивленію, съ совершенно здоровою головою. И какъ только встала, тотчасъ же направилась въ столу съ книгами. Нашла тамъ тощенькую книжку, озаглавленную „Первая помощь“, перевернула ее раза два, заглянула въ нее, потомъ произнесла: „Плохъ, надо новый купить“. Затѣмъ прибавила: „Однако стѣнитъ на первый разъ пока“, и пошла на кухню дѣлать распоряженія на счетъ варива.

Когда пришелъ о. Павелъ отъ обѣдни, она ему объявила, что хочетъ поѣхать въ аптеку, почему просила заставить запрячь лошадь. О. Павелъ испугался такого заявленія, началъ спрашивать—не заболѣла ли она, и почему она такъ долго вчера не спала, но Капитолина Дмитріевна успокоила его на счетъ своего здоровья. Но зачѣмъ ѣздить въ аптеку, все-таки не сказала. О. Павелъ не сталъ приставать къ ней. Онъ зналъ, что это ей не нравится, и не жѣлалъ дѣйствовать самостоятельно. Въ аптеку Капитолина Дмитріевна накупила рублей за 20 разныхъ пузырьковъ, такъ что о. Павелъ, когда она начала выкладывать изъ ящика покупку, даже удивился.

— Что такое ты хочешь дѣлать?—спрашивалъ о. Павелъ, рассматривая пузырьки.— Или торговать хочешь? Конкуренцію Іоффе хочешь составить?

— Не торговать, а даромъ отдавать,— отвѣчала, улыбаясь, Капитолина Дмитріевна.— А впрочемъ вотъ увидишь, что я буду дѣлать. Кромѣ этого ты, Паша, дозвожь мнѣ заниматься въ школь съ ребятишками, ну, хоть бы по вечерамъ что-ли.

— Это что еще за фантазія?—окончательно удивился о. Павелъ.— Чего жъ ты будешь съ ними дѣлать?

— А это мое дѣло, — отвѣчала Капитолина Дмитріевна. — Тогда приходи и увидишь, что я буду дѣлать. Ты только ужь разрѣши. Не безпокойся, плохого ничего не будетъ.

— Разрѣшить-то я разрѣшу. Но меня удивляетъ твое заявленіе. Да и вообще, что за метаморфоза съ тобою? Те толковала о государственной дѣятельности, а то вдругъ поѣхала въ аптеку, накупила лѣкарствъ — лѣчить народъ, навѣрное, собираешься, въ школь вздумала просвѣщать. Что это все значить? Ужь не хочешь ли ты задѣлаться Песталоцци? Очень интересно. Полюбуюсь. Я не запрещаю тебѣ, только едвали что выйдеть-то у тебя. Скоро свихнешься. Силь не хватить.

— Насколько хватить. Ты поможешь при случаѣ. Развѣ откажешь?

— О, никогда! — поторопился успокоить о. Павелъ. — Наоборотъ, надо бы мнѣ въ корню быть, а ты ишь хочешь только на пристяжку меня. Нѣтъ, нѣтъ! Я къ твоимъ услугамъ. Мнѣ даже совѣстно. И въ то же время я радъ, что у меня подруга жизни такая...

На другой день, вечеромъ Капитолина Дмитріевна уже занималась въ школь. Прежде всего она разсказала имъ, что она съ ними будетъ дѣлать. Говорила о многомъ. Путалась, краснѣла. Говорила о чемъ-то высокомъ: о долгѣ каждаго человѣка, о безнравственности и т. п. Но ребятинки ничего не понимали. И она сама поняла, что, должно быть, такъ дѣло не пойдетъ, и что надо выучиться говорить дѣтскимъ языкомъ.

Черезъ недѣлю — другую у нея дѣло пошло инымъ манеромъ. Она приобрѣла не дорогой волшебный фонарь. Ребята заинтересовались картинками, полюбили вечернія занятія. Стали и большіе ходить на чтенія. Очень часто бывалъ и о. Павелъ на чтеніяхъ и остался очень доволенъ. Капитолина Дмитріевна росла отъ радости. Она съ увлеченіемъ читала, толковала, объяснала.

Лѣтомъ дѣлъ у нея еще больше оказалось, несмотря на то, что въ школѣ заниматься не приходилось, хотя по праздникамъ, съ двухъ часовъ дня, такъ же были чтенія въ школѣ. Но главная работа была въ домѣ. Тамъ у нея жизнь кипѣла. Крестьяне только руками разводили, глядя на все то, что дѣлаетъ ихъ матушка.

— Смотри, — говорили они другъ другу, — у нашей матушки какъ все равно пріѣтъ какой. Гашкинъ ребенокъ у нея, Визаровъ и Тучинъ тоже тамъ. Да чего — у ней тамъ, должно быть, человекъ десять, а то и пятнадцать! Всѣхъ она кормить и ходить за ними. А ужъ какъ благодарны то ей — и говорить нечего! Шутка сказать: отецъ съ матерью въ полѣ работаютъ; имъ и заботушки нѣтъ о ребятишкахъ; знаютъ, что они пожару не надѣлаютъ и въ рѣбѣ не утонутъ: въ надежныхъ рукахъ. А намедни, слышь, — толковалъ дѣдъ Поликарпъ своему сосѣду, — приходитъ эта самая, значитъ, матушка къ Тимошкинымъ, въ ихой больной бабѣ-то и говоритъ: „Какъ здоровье, милая!“ — „Охъ, плохо“, — отвѣчаетъ та. — „Силушки нѣтъ. Водицы некому принести. У самой голова такъ и кружится. Дохтуръ далъ вотъ лѣкарства, велѣлъ говядину потребблять, значить, да молоко. А гдѣ взять говядину-то. Молочко-то есть, а говядину-то... Связываетъ, крови мало въ тебѣ“... А матушка-то вынимаетъ ей рублекъ и говоритъ: „Вотъ тебѣ пока. Купи говядины. А маленькую Дуню-то давай мнѣ. Ей тамъ весело будетъ. Да поправляйся“. Вотъ она какая. Дай Богъ ей здоровья! — Крестился дѣдъ Поликарпъ. — А вѣдь сказываютъ — сама-то изъ господъ. А вотъ поди-жь ты...

П. М.

Одинъ изъ вопросовъ, поднимавшихся на минувшемъ всероссійскомъ съѣздѣ законо- учителей.

(1909. VII, 20-31)

Въ отчетѣ объ утреннемъ засѣданіи 28-го іюля съѣзда законоучителей, помѣщенномъ въ 1017 № Колокола, изъ рѣчи прис. пов. Кузнецова, между прочимъ, приведены слѣдующія положенія: Наша интеллигенція, ищущая смысла жизни, съ его болѣзненной отзывчивостью и неумѣньемъ ориентироваться въ понятіяхъ о Высочайшемъ существѣ, говоритъ, что безъ Бога жить нельзя, ибо оказывается пустота. Поэтому интеллигенція наша — не отщепенцы, — она только ищетъ опоры.

Этой опорой должна явиться церковь, въ частности о.о. законоучители. Задача законоучителей въ старшихъ классахъ сред. учебн. заведеній — преподавать отвѣты, соотвѣтствующіе запросамъ нашей интеллигенціи.....

Непосредственно за изложеніемъ рѣчи Кузнецова, напечатано: О. Дмитревскій, какъ бы въ видѣ иллюстраціи къ выказаннымъ г. Кузнецовымъ мыслямъ, присовокупилъ, что учащіеся нашихъ учебныхъ заведеній, подъ вліяніемъ современной литературы, видятъ въ позитивныхъ наукахъ свѣтъ, а въ ученіи Церкви и въ вѣрѣ рутину, гашеніе всего свѣтлаго. Намъ нужно воздѣйствовать на дѣтей съ этой стороны, т. е. со стороны печати.

Для этого намъ самимъ нужно знакомиться съ вѣтской литературой, чтобы имѣть руководить чтеніемъ дѣтей. Въмѣсто (?) прежнихъ духовно-назидательныхъ брошюръ, которыя предлагались и такъ мало читались учащимися, мы можемъ давать лучшія произведенія изъ свѣтскихъ писателей и дѣлать подборъ книгъ, освѣщающихъ религіозно-нравственныя темы.

Въ виду важности вопроса о религіозно-правственномъ чтеніи учащимися позволяю себѣ на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей воспроизвести, насколько сохранила память, свою рѣчь, произнесенную 28 іюля, краткое содержаніе которой выше было выписано изъ „Колокола“.

Мною приблизительно было сказано:

Послѣ такой широкой постановки обсуждаемаго вопроса, которая была придана ей предшествующими ораторами, я, выступая съ словомъ, испытываю нѣкоторое смущеніе, потому что хочу указать только на одну изъ практическихъ задачъ нашего законоучительскаго дѣланія. Точкой отправленія предшествующихъ разсужденій было высказанное Прот. Д. Н. Бѣликовымъ положеніе, что въ умахъ современнаго общества и въ частности учащейся молодежи господствуетъ наклонъ въ сторону естественно-научнаго, эмпирическаго направленія и холодное, даже скептически-пренебрежительное отношеніе къ вѣрѣ и церкви. Дѣйствительно, по господствующему современному представленію въ области наукъ—свѣтъ, блескъ, неустанное движеніе впередъ, а церковь съ ея религіозными задачами и стремленіями—это царство мрака, застоя, рутинны, гасящихъ все свѣтлое и живое. Вотъ съ какимъ предубѣжденнымъ настроеніемъ своихъ питомцевъ приходится въ наше время неизбѣжно имѣть дѣло законоучителю, и потому одною изъ важнѣйшихъ задачъ его дѣланія является—поколебать это предубѣжденіе противъ вѣры, перекинуть мостъ черезъ пропасть между отрицательнымъ настроеніемъ питомца и тѣмъ настроеніемъ, создать которое есть законоучительскій долгъ,—показать красоту и величіе святой вѣры. Наилучшимъ способомъ воздѣйствія на живую душу человѣка признается тотъ, когда это воздѣйствіе начинается съ той точки, на которой стоитъ извѣстное лицо, когда затрагиваютъ живыя струны его сердца, близкіе, понятные и дорогіе ему интересы. Здѣсь указывалось, какъ средство борьбы съ антирелигіознымъ настроеніемъ молодежи—это

знакомство съ данными христіанской апологетики; но этотъ способъ въ полной мѣрѣ можетъ имѣть примѣненіе для учащихся старшаго возраста, а между тѣмъ отрицательныя вѣянія въ наши дни подчиняютъ себѣ и дѣтскіе умы, начиная съ младшихъ классовъ школы, гдѣ выступать съ апологетикой еще преждевременно. Здѣсь могутъ имѣть мѣсто другіе способы чрезъ воздѣйствіе преимущественно на эстетическую и нравственную сторону дѣтей. Представитель Олонецкой епархіи указывалъ на безспорное значеніе духовной музыки и пѣнія (эстетическая сторона) и на дѣла благотворенія, взаимопомощи (нравственная сторона), на которыя дѣти отзываются весьма охотно; я имѣю въ виду указать на значеніе внѣкласснаго чтенія. Съ увлеченіемъ читаю произведенія изящной свѣтской литературы, учащаяся молодежь книгъ религіозно-нравственнаго содержанія въ обще-употребительномъ ихъ изложеніи совершенно не читаетъ. Но другое дѣло тѣ произведенія печати, которыя проникнуты религіозной идеей и въ то-же время отличаются всѣми качествами изложенія, свойственными произведеніямъ литературы свѣтской. Я, напримѣръ, знаю, съ какимъ захватывающимъ интересомъ читается „Исторія дѣтской души“ М. Корелли и какое прямо потрясающее впечатлѣніе производитъ эта книга на своихъ читателей. Въ нашей семинаріи было предложено преподавателемъ (Н. А. Щегловымъ) чтеніе на тему: Православное Богослуженіе по изображеніямъ свѣтской литературы и было выслушано съ глубокимъ вниманіемъ. Благодареніе Богу, въ нашей свѣтской изящной литературѣ много матеріала съ религіознымъ элементомъ и было-бы весьма цѣлесообразно въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воздѣйствія воспользоваться имъ. Мы, какъ, увѣренъ, и многимъ изъ присутствующихъ извѣстны примеры взрослыхъ людей, которые чрезъ чтеніе Гоголя и Достоевскаго переходили къ чтенію твореній святителя Феофана Вышенскаго и изъ безбожниковъ дѣлались людьми глубокой вѣры и искренняго, живого благочестія. И если законоучитель чрезъ воздѣйствіе художе-

ственной литературы, такъ любимой учащимися, сумѣть въ юной душѣ, съ одной стороны, заронить сомнѣніе въ неопровержимой будто-бы истинности усвоенныхъ ходячихъ отрицательныхъ воззрѣній, а съ другой—приблизить къ дѣтскому пониманію и чувству святыхъ истины христіанства, онъ сдѣлаетъ великое дѣло.

Юность наполовину отдаваться дѣлу не умѣетъ: вдохнувши религіозный интересъ въ своей юной аудиторіи, законоучитель увидитъ, какъ изъ нея выдѣлятся своего рода Савлы, которые даже опередятъ (въ силу своей молодой воспримчивости) въ уясненіи и защитѣ (апологетика) св. вѣры. Въ силу сказаннаго намъ необходимо озаботиться тѣмъ, чтобы наши библиотечки съ книгами религіозно-нравственнаго содержанія дополнены были извлеченіями изъ произведеній свѣтской литературы, запечатлѣнныхъ религіознымъ характеромъ, которыя служили-бы переходною ступенью къ чисто-богословской литературѣ.

Дальнѣйшихъ обсужденій по указанному вопросу въ засѣданіи не было, но отъ отдѣльныхъ личностей (напримѣръ, о. Пинкевичъ изъ Минска, о. Капраловъ изъ Кіева) я впоследствии слышалъ самое живое сочувствіе къ высказанному и полное пониманіе его важности; но особенно остался я доволенъ тѣмъ, что моя рѣчь послужила поводомъ къ знакомству съ членомъ сѣзда, священникомъ Я. Н. Китаровымъ, законоучителемъ Горецкихъ учебныхъ заведеній, Могилевской губ., который означеннымъ вопросомъ глубоко интересуется и капитально трудится надъ его осуществленіемъ. Въ текущемъ году имъ издана книга: Вопросы религіи и морали въ русской художественной литературѣ. О. М. Достоевскій. Л. Н. Толстой. А. А. Фетъ. А. Н. Майковъ. Я. П. Полонскій. О. И. Тютчевъ. С. Я. Надсонъ. А. Н. Плещеевъ. В. Г. Короленко. М. Горькій. А. П. Чеховъ. Декадентство и позднѣйшіе писатели. Въ введеніи къ книгѣ авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Изъ произведеній человѣческаго духа ни одно не соприкасается такъ тѣсно съ кардинальными вопро-

сами бытія, ни одно такъ широко не вліяетъ на жизнь, какъ литература. Ей, этой дивной силѣ, этому языку боговъ, при суща власть затрогивать самые живые, насущные вопросы бытія. Взятая независимо отъ историческихъ условій, очищенная отъ наслоеній времени и мѣста, литература всѣхъ народовъ и на протяженіи всѣхъ вѣковъ отражаетъ въ своихъ твореніяхъ неистребимые, всегда присущіе человѣческой природѣ жизненные проблемы. Съ этой точки зрѣнія—это наиболѣе богатая сокровищница человѣческаго опыта. Являясь сама результатомъ эстетическихъ запросовъ человѣческаго духа, она затѣмъ глубоко вліяетъ на этотъ духъ, развивая его. Такъ соловьиная пѣснь, рождающаяся изъ-подъ сердца птицы, такъ музыкальная мелодія, выливающаяся изъ души композитора, услаждаетъ какъ ихъ собственный слухъ, заставляя переживать возвышенныя волненія полноты творческой минуты, такъ и увлекая на крыльяхъ вдохновеній окружающее вниманіе. Сколько отчаявшихся, потерявшихъ путь жизни литература спасла отъ нравственной смерти; сколькимъ на порогѣ жизни она явилась путеводной звѣздой, лучезарнымъ блескомъ перваго знанія себя, другихъ людей, міра и Бога; какому множеству людей она была дверью въ жизнь,—дверью, благодаря которой они вачинали яснѣе понимать до тѣхъ поръ загадочный сфинксъ жизни; сколько слезъ и восторговъ видали и восприняли на себя творенія поэтовъ міровой литературы. Это обаяніе поэтическихъ произведеній до такой степени впиталось въ художественное слово, сроднилось съ нимъ, что невольно со словомъ „литература“ возникаетъ въ душѣ представленіе о чемъ-то прекрасномъ, благородномъ, изящномъ, свѣтломъ и добромъ. Такъ надо сказать о литературѣ всѣхъ народовъ. Но касательно поэтического творчества хочется еще настойчивѣе отгѣнить эту мысль, и не потому конечно, что и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ, а потому, что по существу дѣла русская литература, какъ учительница жизни, занимаетъ въ міровомъ искусствѣ совер-

шенно особое мѣсто. Нельзя не замѣтить, что религиозно-философская, въ строгомъ смыслѣ учительная струя нашей литературы составляетъ душу ея. Эту индивидуальность произведеній русскаго художественнаго слова на западѣ отлично поняли. Андреевичъ въ „Опытѣ философіи русской литературы“ приводитъ нѣсколько мнѣній западной критики о вышеуказанномъ свойствѣ родного творчества. „Насъ поражаетъ, — говоритъ одинъ западноевропейскій критикъ, — эта серьезность русскихъ во всемъ. Они какъ будто не пишутъ, а священнодѣйствуютъ... Они постоянно въ кругу вопросовъ „зачѣмъ и почему“, выйдти изъ котораго за частую не могутъ иначе, какъ съ помощью креста и молитвы... Они не жалѣютъ тратить лучшихъ лѣтъ жизни на вопросъ: „что дѣлать“ (стр. 4—5).

Такъ художественно выраженное авторомъ значеніе поэтическаго творчества сознавалось съ глубокой христіанской древности. Еще въ посланіяхъ св. ап. Павла находимъ слѣды знакомства великаго апостола языковъ съ произведеніями языческихъ поэтовъ, которыми онъ и пользовался при удобныхъ случаяхъ въ цѣляхъ своей апостольской миссіи. Столпы Церкви, представители золотого ея вѣка, св. св. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и др., въ совершенствѣ знали современную имъ классическую литературу. Изъ нашихъ отечественныхъ архипастырей такой пламенѣвшій свѣточъ православія, какъ Никаноръ, Архіепископъ Херсонскій, изучалъ литературу, не какъ дилланта — любитель, а какъ глубокій специалистъ. Несомнѣнно, слѣдилъ за литературой и покойный Архіепископъ Харьковскій Амвросій, такъ чутко стоявшій на стражѣ движеній общественной мысли и своевременно освѣщавшій ихъ съ христіанской точки зрѣнія своимъ проповѣдническимъ словомъ. Хорошо извѣстно, съ какимъ уваженіемъ и любовью относился къ художественному печатному слову почившій молитвенникъ за Русскую землю, о. Іоаннъ Кронштадтскій.

Изъ лицъ, соприкасающихся съ учащейся молодежью, всякій, кто интересовался этимъ вопросомъ, изъ своей практики припомнить примѣры благотворнаго дѣйствія на дѣтей и юношей художественныхъ произведеній съ религіознымъ отпечаткомъ. Напримѣръ, упомянутую въ моей рѣчи „Исторію дѣтской души“, выданную для прочтенія, трудно получить обратно: она начинаетъ путешествовать въ теченіе цѣлаго года изъ класса въ классъ, изъ рукъ въ руки. Помню, при разговорѣ съ одной уже окончившей институткой, на рѣдкость даровитой и начитанной, на мой вопросъ, что изъ прочитаннаго за послѣднее время произвело на нее болѣе сильное впечатлѣніе, она, не задумываясь, отвѣтила: „Исторія дѣтской души“. „Въ отдыхѣ Христіанина“ былъ помѣщенъ рассказъ Погожева (Поселанина)—изъ жизни покойнаго митрополита Петербурскаго Исидора: Еще ученикомъ духовнаго училища владыка однажды пѣшкомъ безъ копейки денегъ голодный, усталый пробирался домой на каникулы. Встрѣчный мужикъ, сжалившись надъ мальчикомъ, далъ ему 3 коп. Эта щедрая нежданная лепта такъ поразила мальчугана, что онъ сначала долго стоялъ въ изумленіи, а потомъ, пришедши въ себя, бросился за своимъ благодѣтелемъ, догнавъ его и спросилъ (привожу по памяти): „Дяденька, какъ тебя звать“?— „На што тебѣ“?— Выресту большой, выучусь, буду священникомъ, стану поминать тебя“.— „Петръ“, бросилъ на ходу мужикъ и пошелъ своей дорогой. Рассказъ заканчивается, приблизительно, такой картиной: Подъ грандіозными сводами Исаакіевскаго собора, окутанными облаками благоухающаго еиміама, замирають послѣдніе аккорды величественной херувимской пѣсни, и въ это время старецъ-митрополитъ предъ жертвенникомъ, вынимая частицы за дорогихъ и близкихъ ему лицъ, неизмѣнно произноситъ заветное имя раба Божія Петра, которое не забылъ онъ во всю свою долгую и многосложную жизнь. Рассказъ написанъ такъ художественно, съ такимъ теплымъ чувствомъ, что во всѣхъ классахъ, гдѣ только я читалъ его, онъ выслу-

шивался съ напряженнымъ вниманіемъ и даже волненіемъ, которое всякій разъ передавалось и мнѣ, которое до нѣкоторой степени я испытываю даже сейчасъ, пиша эти строки. И вообще все, выходящее изъ-подъ пера Поселянина на религіозныя темы, слушается и читается учащимися съ интересомъ. Могу указать и еще многія статьи, разбросанныя въ журналахъ, и отдѣльныя брошюры и книги (напримѣръ: послѣдняя треба, старый звонарь, черезъ край, Благовѣщеніе, черный крестъ, Спасо-Бородинскій монастырь, искушеніе о. Исаака, Вѣнь-Гурь, Царь изъ дома Давида, приложенія къ Паломнику на церковно-историческія темы, къ сожалѣнію, теперь прекратившіяся и проч.), которыя производятъ впечатлѣніе на юныхъ слушателей и слушательницъ. Есть опыты и хрестоматій религіозно-нравственнаго чтенія, составленныя изъ статей, заимствованныхъ изъ художественной литературы, напримѣръ, „Звѣздочка“ Прот. Дьяченко, „Примѣры женскихъ подвиговъ и добродѣтелей“ Орлова. Вообще матеріалъ то достаточно, но не приведенъ онъ во всеобщую извѣстность и систему.

Настоящей замѣткой хотѣлось бы возбудить интересъ къ этому высокой важности дѣлу и вызвать поработать надъ нимъ всѣхъ, кому оно близко и дорого. Дѣло важное и животрепещущее, особенно, въ переживаемое время, когда юное сознаніе, воображеніе и сердце со всѣхъ сторонъ заливаютъ мутныя волны отвратительной порнографической и сыскной литературы, сумбурнаго декадентства. Долгъ воспитателей противопоставить этой развращающей молодой души духовной пищѣ пищу здоровую, которой онѣ такъ сильно жаждутъ, и для выбора которой нуждаются въ просвѣщенномъ руководствѣ со стороны старшихъ. Въ юномъ возрастѣ, когда только еще начинаютъ намѣчаться и складываться будущіе вкусы симпатіи, въ высшей степени важно своевременно и умѣло направить молодое, воспримчивое стремленіе въ добрую сторону. Минувшими каникулами намъ пришлось по-

знакомиться съ таковымъ воздѣйствіемъ на молодежь, когда группѣ учащихся путемъ сопоставленія ярко было показано все превосходство произведеній нашихъ отечественныхъ классиковъ съ современной декадентщиной....

Хочется вѣрить, что на нашъ призывъ откликнутся сообщеніемъ примѣрныхъ каталоговъ, библиографическими замѣтками, своими взглядами по данному вопросу тѣ, кого онъ интересуетъ; теперь же на страницахъ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (не сомнѣваемся, редація ихъ съ готовностью пойдетъ на встрѣчу этимъ начинаніямъ), а затѣмъ, когда осуществится проэктъ спеціальнаго законоучительскаго журнала, несомнѣнно все поименованное будетъ для него весьма подходящимъ матеріаломъ.

Протоіерей *Николай Димитревскій*.

„Ж е р т в а“.

(О к о н ч а н і е).

Ночь. Все заснуло въ селѣ. Не было слышно ни лая собакъ, ни говора людей, ни шума скота. Ночная темь обняла соборъ и поля, и лѣса... Только яркія звѣздочки стояли, переливаясь разными цвѣтами въ вышинѣ на небѣ, мигали, искрились и пропадали....

Тихо было въ избѣ Степана. Небольшая лампочка тускло свѣтила со стѣны у окна и такъ тускло, что нельзя было хорошо рассмотреть ничего. Давно ужъ ребятшки, поужинавъ и наигравшись за день, спали крѣпкимъ сномъ; изрѣдка лишь кто-нибудь изъ нихъ лепеталъ что-то во снѣ и раскидывалъ одежду. Степанъ тоже, измученный дорогой, спалъ, закинувъ руки за голову, на лавкѣ, покрывъ себя пальтомъ. Не спала только Марья: ее томило предчувствіе какаго-то близкаго несчастья. Она

сидѣла всю ночь на скамьѣ и думала: передъ ней проносились картины прожитой жизни, вставали образы прошедшаго времени и зловѣще выглядывала будущность. „Господи, да что же это такое?“ сказала она, наконецъ: „вотъ, кажется, уже и день“. Она снова попробовала лечь заснуть, но не могла. Тайное прелчувствіе опять шевелилось въ душѣ ея и сердце тоскливо начинало ныть. „Лучше встану“, рѣшила она. Да и спать теперь ей ужъ не хотѣлось. Тихонько встала она съ полу, надѣла шубу и вышла на дворъ. Ночь, правда, близилась къ концу. Далеко за лѣсомъ виднѣлась розовая полоса востока и темное небо начинало блѣднѣть, звѣздочки нѣкоторыя померкли, другія же все еще продолжали весело и ярко свѣтить на чистомъ небѣ. Морозъ былъ во всемъ своемъ блескѣ, и даль полей была подернута легкимъ туманомъ.

Марья кой-что прибрала на дворѣ, зашла къ овцамъ, посмотрѣла лошадь и вернулась въ избу.

А востокъ все разгорался, становился шире, и красное зарево охватывало все большую и большую часть неба, уничтожая на пути тихо уже мелькавшія звѣздочки. Кое-гдѣ стали просыпаться, выходить на улицу и скрипѣть воротами. Изъ трубъ избушекъ потянулся дымокъ далеко вверхъ. Вотъ и солнышко бросило холодные лучи свои изъ-за лѣса и сдѣлало покрытыя снѣгомъ крыши ярко-розовыми.

Марья топила уже печку и готовила кой-что Степану. Забѣгла сосѣдка, молодая еще баба, и спросила: „какъ блины?“ „Ничего“, отвѣчала Марья: „вышли хоть куда, скоро буду запекать, да вотъ еще Степушка не всталъ“.

Но вотъ и Степанъ, и Миша встали, повскачили за ними и другіе ребятки. Петя, какъ только проснулся, выбѣжалъ раздежкой на крылечко двора, гдѣ Миша уже давалъ овцамъ кормъ. „Бѣлянка, бѣлянка“, — закричалъ Петя и схватилъ одну

бѣлю овечку за шерсть. „Не замай“, проговорилъ Миша: „ты вотъ одѣнься, да пойдѣмъ со мной въ ригу за соломой“.

„А Степа пойдетъ?“ спросилъ Петя.

„Пойдетъ“, отвѣтилъ Миша. Петя быстро вѣшалъ въ избу, живо одѣлся и шелъ уже за Степаномъ въ ригу. День бѣжалъ. Степану было весело, онъ все возился съ Мишей на дворѣ, въ сараяхъ и на гумнѣ; кой-что поправили и поприбрали къ хозяйству. Но вотъ пора было и ѣхать.

Маленькій, зимній день незамѣтно сталъ клониться къ концу. „Миша“, сказалъ Степанъ: „нужно запрягать чалаго-то, да и въ дорогу“.

„А не рано ли сыновъ?“ спросила мать.

„Гдѣ... кой дождѣмъ, стемнѣетъ, какъ слѣдуетъ, а оттуда нужно посидѣть до темноты; ночи-то сейчасъ темныя!“

„Ну, что же“, сказала Марья: „Миша, поди запрягай. Я сама поѣду съ тобой, Степушка, Мишуха пусть останется, да Аксинья общалась забѣжать, посидѣть безъ меня. А ты знаешь Аксинью-то?“ добавила она.

„Нѣтъ, отвѣтилъ Степанъ: „я ее не видѣлъ еще“.

„А это сестра нашей сосѣдки Агаѣи, пришла изъ Николаевки, ну и дѣвка, кровь съ молокомъ, а работница—такой на селѣ у насъ не сыскать, пѣсни „играть“—первая мастерица!“.....

„Степа, чалый-то хромаетъ, поди посмотри, боюсь запрягать“,—сказалъ въ это время, высунувшись въ дверь, Миша.

„Господи, вотъ еще бѣда случится“, проговорила Марья и побѣжала скорѣй за Степаномъ и Мишей на дворъ. Чалый поставилъ себѣ у саней и чесалъ объ оглобли морду.

„Чалушка, что съ тобой,“—сказала Марья, подходя къ лошади. Миша схватилъ ее за узду и потянулъ.

„Но!“ Лошадь двинулась. „Ничего“, сказалъ Степанъ: „это роидетъ, она должно остучилась“. И скоро онъ и Миша запрягли чалаго въ сани.

Однообразное снѣжное поле. Вѣлый снѣгъ взвивается змѣйками надъ землею и несется, крутясь вѣтромъ; онъ ложился иногда на сугробы и опять мчался. А мчаться было куда.

Куда ни взглянешь, все видишь передъ собой поле, поле и поле... Небольшой вѣтерокъ проносился надъ спокойными волнами снѣжнаго моря и лишь тихо сметалъ собою пуховый снѣжокъ, который, передвигаясь, таинственно шуршаль.

Но вотъ тамъ, за бугромъ показалась точка. Ближе и ближе... Слабая лошаденка тянулась по дорогѣ, запряженная въ сани, на которыхъ сидѣли два человекъ. Полозья саней невыносимо скрипѣли, и тощая лошаденка похрапывала. Сидѣвшіе были Степанъ и Марья. Они давно уже выѣхали и порядочно отѣхали отъ своего села, а теперь понемногу подвигались къ станціи.

„Степа, ты бы погналъ“, сказала Марья. „А далеко еще ѣхать?“

„Нѣтъ“, отвѣтилъ Степанъ: „скоро добѣдемъ“ и дернулъ возжами лошадь. „Ну, ну милый, немного“. Чалый встряхнулъ головой, дернулъ сани и побѣжалъ рысцою.

„А сколько отъ насъ до чугуинки будетъ?“ спросила Марья.

„Да версть восемь считаютъ, не знаю хорошо, а вотъ и она“. Степанъ показалъ кнутомъ немного вправо.

„А будетъ метель“, сказалъ онъ: „ишь ты, какъ снѣгъ-то покручиваетъ“. — „А тамъ, кажется, и машина какая-то стоитъ“, проговорила Марья.

„Да тамъ, у насъ, они часто. Только и слышишь, звонять: тотъ вышелъ, другой... А мой-то позднеево придетъ, придется подождать. Ну, что же ты?“ сказалъ онъ чалому и дернулъ его опять возжами. Черезъ полчаса они были уже на станціи, и Степанъ привязывалъ чалаго къ желѣзнымъ периламъ. Задавъ сѣна и взявъ, какія были, вещи, они вошли въ воезалъ.

„Хоть немного матушка, обогрѣться“, сказалъ Степанъ матери: „морозъ-то вонъ каковъ“!

Въ грязномъ и душномъ залѣ третьяго класса, на лавкѣ расположились Степанъ и Марья. Первому было это не ново, и онъ вполнѣ свыкся съ подобной обстановкой, но Марья чувствовала себя здѣсь плохо. Цѣлые клубы табачнаго дыма носились въ воздухъ и положительно не давали хорошо дышать. Народу было много. За однимъ столомъ сидѣло нѣсколько служащихъ и пили пиво; двое изъ нихъ, безпощадно ругались. Пассажиры съ вещами въ рукахъ сновали, толкаясь между расположившимися прямо на полу переселенцами и другими пассажирами. У буфета стучали и звенѣли посудой. И всѣ, казалось Марья, такъ шумно говорили, что ей даже жутко становилось.

„Пойдемъ, сынокъ, лучше на дворъ“, сказала она: „да и простился тамъ, мнѣ пора уже ѣхать“.

Они подошли къ санямъ. Степанъ отвязалъ чалаго, усадилъ мать и подошелъ къ ней. „Ну, прощай, мама“, сказалъ онъ: „не скучай, я скоро опять, какъ-нибудь, приду“. — „Прощай, мой хорошій, пошли тебѣ Богъ жить и работать, какъ прежде“. Они поцѣловались.

Лошадь тронулась. „Приходи“, оглядываясь назадъ, сказала Марья: „а если съ кѣмъ можно пришли вѣсточку, все будемъ знать о тебѣ“. — „Хорошо, пришло и приду“, отвѣчалъ Степанъ и все глядѣлъ на удалившіяся по дорогѣ сани. Еще разъ посмотрѣлъ онъ вслѣдъ имъ и вошелъ въ вокзалъ.

„Скоро, Андреичъ, нашъ-то придетъ?“ спросилъ онъ товарища — кондуктора.

„Да часа черезъ два“, — отвѣтилъ тотъ, направляясь къ буфету. Медленно шло время у Степана, когда онъ ждалъ поѣзда. На дворѣ совсѣмъ уже стемнѣло и какія-то тучки понеслись по небу.

„Что-то неладно на улицѣ, въ ночь погода должно разыграется“, — сказалъ, подходя къ Степану, знакомый ему сторожъ.

„И то право“, отвѣтилъ Степанъ: „я ѣхаль, поземка была, должно е впрямь метель“.

„Ты съ какимъ ѣдешь—то?“ спросилъ сторожъ.

„Съ 5 номеромъ“.

„Онъ придетъ сейчасъ: симофоръ открыть“.

„Я знаю“, сказалъ Степанъ: „пойду налью керосину въ фонари“.

Степанъ убрался съ фонарями и вышелъ на платформу. Вѣтеръ сердито качалъ деревья станціоннаго сада и гремѣлъ желѣзомъ на крышѣ.

Средь шума вѣтра Степану послышался далекій свистокъ; это шель № 5. Вонъ показались глаза желѣзнаго чудовища и слышался грохотъ бѣжавшихъ по рельсамъ вагоновъ. Поѣздъ подошелъ. Степанъ кончилъ дѣла свои, налѣлъ дорожную шубу и съ фонаремъ въ рукѣ взомель на тормазъ.

Поѣздъ былъ товарный, а потому довольно долго простоялъ на станціи, и только минутъ черезъ сорокъ раздался свистокъ локомотива, и цѣлая цѣпь вагоновъ поползла за нимъ.

А метель между тѣмъ разыгралась. Небо окуталось въ темный мракъ, и посыпался хлопьями снѣгъ. Вѣтеръ злобно подхвятилъ его, взвилъ вверху и понесъ крутить по широкому полю. Онъ злобно завывалъ, проникалъ на тормазъ къ Степану, билъ его по лицу и забирался къ нему подъ шубу. Поѣздъ же мчался и мчался.... Онъ разсвѣкалъ грозный вѣтеръ и столбы летѣвшаго снѣга. Мракъ еще больше охватилъ землю....

Ничего не было видно... Только слышались: вой, какъ стая голодныхъ волковъ, вѣтра и стукъ ударявшихъ о шивки рельсъ вагоновъ.

А поѣздъ все мчался и мчался.... Наконецъ, бурянь разсвирѣпѣлъ окончательно. Страшный вѣтеръ ревѣлъ, точно разъ-

аренный звѣрь, вихремъ вздымалъ клочья снѣга и свистѣлъ дикими голосами въ телеграфныхъ столбахъ. Вагоны ужь какъ-то жалобно скрипѣли подъ напоромъ его, и стукъ ихъ колесъ заглушались имъ въ этотъ хаосъ буйной стихіи. А поѣздъ все мчался и мчался.....

Вдругъ раздался рѣзкій свистъ паровоза, который сѣйчасъ же замеръ въ порывахъ бури и послышался страшный оглушительный трескъ. Степана толкнуло впередъ, потомъ откинуло назадъ... Что—то тяжелое, черное упало ему на голову. Онъ упалъ. Въ головѣ его пронеслась мгновенно мысль: „крушеніе“, потомъ онъ вспомнилъ мать, сестеръ, братьевъ, домъ..... и все... Больше онъ не чувствовалъ.

Насталъ день. Солнце встало надъ успокоившимся снѣжнымъ моремъ и освѣтило собой обломки разбитаго поѣзда. Тамъ, среди нихъ, возлѣ рельсъ, на обломкахъ досокъ лежалъ Степанъ съ окровавленной головой и измятой ногой. Это былъ все тотъ же Степанъ. Тѣ-же черныя брови, глаза.....

Но что это? Что такъ глядятъ эти полузакрытыя безжизненные глаза? Что въ нихъ написано? Смерть, смерть, —отвѣчалъ шуршавшій снѣгъ; смерть, —отвѣчалъ проснувшійся вѣтеръ, и телеграфный столбъ пѣлъ грустную пѣсню, —пѣсню, которой печально вторилъ вѣтеръ и которая заставляла ныть сердце полной тоской.

Псаломщикъ *В. Пр—овъ.*

Посланіе къ паствѣ противъ усиливающейся современной безнравственности ¹⁾.

Братіе возлюбленные!

Общая печаль, общая забота, общая любовь къ нашему народу и отечеству внушила намъ это слово и мы вмѣстѣ просимъ

¹⁾ Католическіе епископы, собравшіеся въ Фульдѣ въ прошломъ году, обратились съ этимъ посланіемъ къ паствѣ, которое было прочитано во всѣхъ

и закливаемъ васъ: послушайте нашего голоса, послѣдуйте голосу вашихъ пастырей!

Мы вынуждены говорить вамъ о томъ пороку, который, по слову апостола, не долженъ даже и именоваться у христіанъ (Еф. 5, 3). Мы должны назвать его и говорить о немъ, чтобы побудить всѣхъ васъ къ святой борьбѣ противъ него. Эта борьба есть вашъ святой долгъ, такъ какъ въ послѣднее время развратъ усилился такъ ужасно, что серьезные люди всѣхъ вѣрованій и направленій съ тревогой смотрятъ на будущее. Припоминаются языческія времена и то описаніе, которое далъ апостоль въ посланіи къ Римлянамъ относительно ихъ нравственнаго состоянія, когда видишь, какъ порокъ самымъ откровеннымъ образомъ выступаетъ при свѣтѣ дня, какъ будто онъ есть что-то вполне естественное; какъ съ насмѣшкой и дерзкимъ упрямствомъ нападаетъ онъ на предписанія христіанскихъ заповѣдей и даже естественнаго приличія; какъ изобрѣтателенъ онъ въ новыхъ пріемахъ и средствахъ соблазна, въ новыхъ всегда и все болѣе утонченныхъ формахъ похоти.

Въ современномъ мірѣ развратъ сдѣлался чѣмъ-то вродѣ общественной силы, которая все далѣе и далѣе распространяетъ свое царство и оказываетъ все болѣе и болѣе губительное вліяніе. Онъ подкупаетъ, извращаетъ и даже запугиваетъ общественное мнѣніе, гонитъ искусство на ложные пути и заражаетъ литературу. Онъ располагаетъ собственной прессой и можетъ похвалиться, что число безнравственныхъ книгъ, журналовъ и газетъ, какъ доказываетъ статистика, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе превышаетъ число всѣхъ остальныхъ изданій. Онъ располагаетъ собственной процвѣтающею промышленностью, занимающеюся изготовленіемъ фабричнымъ способомъ безнравственныхъ картинъ, открытокъ, статуй. Его главныя крѣпости—это большіе города,

католич. церквахъ Германіи. Это посланіе подходяще и къ нашей родной странѣ.

но онъ проникъ и въ маленькіе города и начинаетъ завоевывать и деревню. Онъ имѣлъ громадную свиту своихъ служителей и служительницъ, къ которымъ вполне примѣнимо пророческое слово: „Стыдятся ли они, дѣлая мерзости? Нѣтъ, нисколько не стыдятся и не краснѣютъ. Выраженіе лицъ ихъ свидѣтельству-етъ противъ нихъ, и о грѣхѣ своемъ они рассказываютъ открыто, какъ Содомляне, не скрываютъ“ (Иереміи 6, 15; Исаи 3, 9).

Среди юношества развратъ нашель себѣ жертвъ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Онъ пользуется ихъ неопытностью, манить ихъ къ себѣ и глубоко въ сердце пускаетъ имъ свое ядовитое жало. Особенно прочно обосновался онъ въ высшихъ учебныхъ заведе-ніяхъ и соблазняетъ здѣсь благородныхъ сыновъ народа, которые должны бы посвятить себя высшей духовной жизни на поприщѣ науки или искусства, но которые именно здѣсь вступаютъ на ложный путь, идутъ въ слѣдъ „скверныхъ похотей плотскихъ“ (2 Петра 2, 10) и пожинаяютъ отъ плоти тлѣніе (Гал. 6, 8). Онъ проникъ въ жилища и фабрики рабочихъ и пожираетъ здѣсь силу нашего народа. Проникъ онъ и въ армію, эту школу дисциплины и порядка, и не мало теперь такихъ солдатъ, кото-рые во время военной службы впитываютъ въ себя ядъ грѣха, чтобы потомъ распространять его дома. Этого губительнаго ан-гела ада уже не удовлетворяютъ жертвы изъ болѣе зрѣлаго юно-шества. Онъ врывается и въ рай дѣтства и здѣсь его опусто-шенія тѣмъ губительнѣе, чѣмъ нѣжнѣе духъ и тѣло ребенка. Здѣсь подходитъ слово пророка: „Предъ нимъ пожираетъ огонь, а за нимъ палитъ пламя: предъ нимъ земля, какъ садъ Едем-скій, а позади его будетъ опустошенная степь“ (Иоиль 2, 3).

Дѣйствительно, какъ ужасны слѣдствія этого порока. У кого сердце не обливается кровью при видѣ всѣхъ страданій и преступленій, въ которыхъ раскрываются язвы этой нравствен-ной болѣзни и обнаруживается истинная природа этого порока, при видѣ столь распространенной болѣзни, которая носить на

себѣ клеймо позора и выражаетъ въ себѣ проклатіе этого грѣха! Ибо таковъ неизмѣнный законъ нравственнаго міропорядка: едва ли какой другой порокъ въ такой степени поситъ свое наказаніе въ себѣ самомъ, и кто пилъ изъ чаши упоенія, долженъ пить также и изъ чаши гнѣва Божія (Апок. 26, 19). Ни одинъ грѣхъ не доходитъ такъ быстро и разрушительно до жизненныхъ корней религіи, вѣры и молитвы, до жизненныхъ корней семьи и народа. Значительное уменьшеніе числа рожденій въ послѣднее время показываетъ, что эта чума грозитъ уже самымъ источникамъ народной жизни.

Поистинѣ можно повторить плачь пророка: „Истощились отъ слезъ глаза мои, волнуется во мнѣ сердце мое отъ гибели дщери народа моего“ (Плачь Іер. 2, 11), можно плакать о гибели дѣтей и грудныхъ младенцевъ, по чужой винѣ отравленныхъ въ началѣ весны своей жизни духомъ нечистоты и остающихся его рабами на всю жизнь, о юношахъ и дѣвахъ, душа и тѣло которыхъ смертельно ранены этимъ порокомъ, о столькихъ расторгнутыхъ бракахъ, о разрушенномъ семейномъ счастьи, о столькихъ загубленныхъ жизненныхъ силахъ и утраченной радости жизни.

Почему же порокъ безчестья именно теперь находитъ такую питательную почву и именно современное челоѣчество такъ тяжело страдаетъ отъ его послѣдствій? Причинъ этого и много и одна, и виновниковъ много и въ тоже время главный виновникъ — одинъ.

Прежде всего, здѣсь съ сожалѣніемъ слѣдуетъ указать на плохія социальныя условія, на безработицу, на недостатокъ жилищъ, особенно на казармы, и наемные углы для рабочихъ въ большихъ городахъ и въ фабричныхъ мѣстностяхъ. Поэтому государство и церковь, законодательство и попечительство о бѣдныхъ, общественная и частная благотворительность не должны ослабѣвать въ стремленіи преградить источники социальной нищеты, а вмѣстѣ съ нею и по-

рока, и мы всегда должны быть готовы протянуть руку помощи тѣмъ, кого нищета ввела въ грѣхъ или грѣхъ ввелъ въ нищету.

Нужно указать на алкоголь, сдѣлавшійся для многихъ настоящимъ ядомъ, которому здѣсь принадлежитъ видная роль. Ибо неумѣренное его употребленіе возбуждаетъ низшіе инстинкты, заглушаетъ совѣсть, ослабляетъ волю и дѣлаетъ безстыднымъ и нецѣломудреннымъ (Притчей 20, 1) и предрасполагаетъ къ безнравственности. Вотъ еще основаніе для того, чтобы ревностно продолжать борьбу съ злоупотребленіемъ спиртными напитками, къ чему мы васъ снова и снова призываемъ.

Затѣмъ нужно безъ сожалѣнія выставить къ позорному столбу всѣхъ вредныхъ для общества людей, столь же опасныхъ, какъ отравители и убійцы, которые, вслѣдствіе своей испорченности и постыдной жажды наживы, распространяютъ развратъ въ народѣ, какъ бы какой товаръ, тысячами издають безнравственныя картины и открытыя письма, тайно и явно продаютъ ихъ юношамъ и выставляютъ ихъ въ витринахъ для общаго соблазна. Какой позоръ для нашего времени! Дѣло дошло до того, что безнравственныя картины и книги сдѣлались главнымъ предметомъ и средствомъ рекламы, гнусной приманкой для завлеченія покупателей въ лавку.

Этимъ преступнымъ людямъ нужно запретить торговлю. Это позорнѣйшее ремесло широко распространилось по странѣ, прикрываясь лживыми выдумками, будто оно служитъ цѣлямъ искусства или даже нравственности. Всѣ хорошіе люди должны объединиться, чтобы положить конецъ злу. Нужно возбудить противъ него общественное мнѣніе, бороться съ нимъ законными средствами и тамъ, гдѣ законъ и судъ не достаточны, прибѣгать къ самопомощи. Нужно установить надзоръ за разносчиками и газетчиками, бойкотировать тѣ магазины, которые держатъ или выставляютъ что-либо неприличное, и не допускать до порога пе-

добныхъ торговцевъ. Это мы обязаны сдѣлать во имя нашего юношества, чести нашего народа.

Но всѣ названныя злоупотребленія являются только побочными причинами. Главная причина нравственнаго упадка лежитъ глубже. Главный виновникъ—это, враждебный религіи, нехристіанскій духъ времени. Кто внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ въ послѣднія десятилѣтія невѣріе все смѣлѣе поднимало голову, какъ церковь и религія подвергались нападкамъ и клеветамъ, какъ настойчиво стремились поколебать въ народѣ вѣру въ Бога и будущую жизнь, почтеніе къ власти, уваженіе къ закону, ослабить вліяніе христіанства на народную жизнь, на семью, на школу, какъ безнаказанно оскорблялось все святое, позорилась вѣра и высмѣивалась добродѣтель,—тотъ не можетъ удивляться страшному упадку нравственности и воцаренію разврата. Пожинаютъ то, что посеяли. Думали, что религію и христіанство можно отбросить въ сторону, какъ что-то устарѣлое и отжившее, и тщетно пытались изобрѣсти, такъ называемую, независимую мораль, нравственное ученіе и нравственность безъ религіозной помощи. Въ результатѣ получилось полное смѣшеніе всѣхъ нравственныхъ понятій и необычайное паденіе нравственнаго достоянія народа. Христіанство и церковь, всегда настаивающія на подчиненіи чувственной природы и ея инстинктовъ душѣ и высшимъ цѣлямъ жизни, обвиняли въ томъ, что ихъ нравственное ученіе противно природѣ, что оно душитъ природныя инстинкты: отвергали вѣчныя основы нравственности, десять великихъ святыхъ заповѣдей, требовали полной свободы для чувственныхъ инстинктовъ, произносили громкія рѣчи о возвышеніи, утвержденіи, обогащеніи жизни, достигаемомъ этимъ путемъ—и что же въ результатѣ? Позорнѣйшее закабаленіе страстямъ внутренняго челоуѣка, болѣзнь, разложеніе и смерть. Дикая, освобожденная отъ всякой узды сила чувственности бросалась въ бездну порока и погубила тѣло и духъ. Подъ видомъ

науки подчинились суевѣрiю и безконечно гордились этой вѣшной культурой, а теперь оказывается, что въ основѣ ея лежитъ нравственное одичанiе и что отъ нея идетъ запахъ тлѣнiя. „Ибо виноградъ ихъ отъ виноградной лозы Содомской и съ полей Гоморрскихъ; ягоды ихъ ягоды ядовитыя, грозди ихъ горькiе; вино ихъ адъ драконовъ и гибельная отравъ аспидовъ“ (Второзаконiе 32, 32). Прогрессъ во вѣшной культурѣ вмѣстѣ съ одновременнымъ регрессомъ нравственности дѣлаетъ народъ не великимъ, а большимъ.

Къ нашему времени применимо строгое слово апостола: „Не обманывайтесь, Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посѣетъ человекъ, то и пожнетъ. Сѣющий плоть свою, отъ плоти пожнетъ тлѣнiе“ (Гал. 6, 7—8). „Вы воздѣлывали безбожiе, сказалъ еще пророкъ, пожинаете беззаконiе, ѣдите плодъ жи“ (Ос. 10, 13).

Но было бы несправедливо обвинять только другихъ, а самимъ невинно умывать руки. Если бы всѣ вѣрующiе христiане выполняли свой долгъ, устранялись бы отъ „сквернъ мiра“ (2 Петра 2, 20) и сiяли бы чистотою своей жизни, если бы они не способствовали злу своею сонливостью, безпечностью, бездѣятельностью и заигрыванiемъ съ духомъ времени, а всѣ сначала съ полною рѣшительностью вступили бы съ нимъ въ борьбу, оно никогда не пошло бы такъ далеко.

Итакъ, прочь легкомыслие и страхъ передъ духомъ времени! Вмѣстѣ съ пророкомъ мы должны сознать, что „мы оказались влизу, а не наверху, потому что мы согрѣшили предъ Господомъ Богомъ нашимъ“ (Варуха 2, 5) и послушать увѣщанiя пророка Иеремiи: „остановитесь на путяхъ вашихъ и рассмотрите, и разспросите о путяхъ древнихъ, гдѣ путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душамъ вашимъ“ (Иер. 6, 16).

О, если бы всѣ поняли серьезность времени, увидѣли громадность зла и соединенными силами начали борьбу противъ него! Итакъ, на святую войну, во имя и при помощи Господа!

Этотъ призывъ прежде всего относится къ вамъ, родители, и ко всѣмъ тѣмъ, кого касается воспитаніе и образованіе юношества. На васъ лежитъ теперь чрезвычайно важная обязанность и страшная отвѣтственность. Ошибки и попустительство въ дѣлѣ воспитанія въ такое время страшно отомстятъ за себя и дадутъ тысячи жертвъ господствующему пороку.

Многіе считаютъ теперь за главную обязанность воспитанія и лучшее предупредительное и предохранительное средство возможно раннее ознакомленіе дѣтей съ половою жизнью. Не вѣр-те; это ложные пророки. Конечно предоостерегающее слово въ бо-лѣе зрѣломъ возрастѣ со стороны родителей, духовника или врач-вполнѣ умѣстно. Но одними выясненіями достигнуть нельзя, а преждевременныя выясненія могутъ все испортить. Главное пре-дохранительное средство—это нравственная нѣжность чувства, святая стыдливость, данная самимъ Богомъ охранительница не-винности. Съ самой ранней юности пробуждайте и охраняйте ее въ сердцѣ вашихъ дѣтей. Какъ только пробудится у нихъ ра-зумъ, выясняйте имъ, что они суть дѣти Божіи и что всевида-щее око всегда смотритъ на нихъ. Глубоко всадите въ сердца ихъ страхъ Божій, который будетъ охранять ихъ въ то время, когда они находятся внѣ наблюденія родителей. Постарайтесь рано развить и закалить ихъ волю посредствомъ привычки къ труду и послушанію, посредствомъ удаленія всего расслабляющаго и изнѣживающаго, посредствомъ приученія къ строгости по отно-шенію къ себѣ самому, къ самоопредѣленію и самогосподству, къ уваженію къ своему духу и тѣлу, какъ къ храму Св. Духа. Осо-бенно приучайте ихъ къ ежедневной молитвѣ и чаще причащайте ихъ. Это старыя и всегда дѣйствительныя предохранительныя и спасительныя средства отъ нравственныхъ опасностей дѣтскаго возраста. Вообще лучшей охраной для дѣтей здѣсь всегда было и будетъ основательное христіанское воспитаніе въ серьезности и

кротости, въ любви и строгости, почерпающее въ религіи свою силу, свои сильнѣйшіе мотивы и свое высшее оправданіе.

Пусть всѣ тѣ, кого уполномочиваетъ и обязываетъ на это положеніе и признаніе, духовники, учителя, начальники, хозяева примутъ участіе въ молодежи, объединять ее въ христіанскіе союзы, выяснять грозящія ей опасности и охранять отъ язвы разврата. Такимъ путемъ они спасутъ юношество отъ гибели и, слѣдовательно, расширатъ царство Божіе на землѣ, окажутъ услугу отечеству и защитятъ народную честь и силу.

Мы обращаемся къ вамъ самимъ, юноши, и о если бы мы могли пробудить въ васъ для святой борьбы съ угрожающимъ вамъ порокомъ все, что живетъ въ вашихъ благородныхъ силахъ и чистыхъ стремленіяхъ, пробудить насажденную въ вашихъ сердцахъ вѣру и любовь къ Богу и ближнему, пробудить всѣ силы вашей безсмертной души! Будьте героями, а не трусами! Не бѣгите слѣпо за худыми примѣрами. Имѣйте мужество идти истиннымъ путемъ, быть лучше, чѣмъ другіе, свободными среди рабовъ. Не позволяйте нечистой страсти ослѣплять ваши глаза поработать волю, ослаблять и пожирать ваши лучшія способности, гасить святой огонь въ вашей груди! Будьте героями, боритесь за вашу свободу, за ваше тѣлесное и душевное здоровье, за счастье вашей жизни и спасеніе вашей души! Господствуйте надъ чувственными инстинктами скинетромъ разума, геройскимъ мечомъ воли; охраняйте порядокъ и чистоту въ мірѣ мысли и чувства, въ царствѣ фантазій; имѣйте отвращеніе къ грязи во всѣхъ ея видахъ; закаляйте силу своей воли строгостью по отношенію къ себѣ самимъ, посредствомъ умѣренности и воздержанія, посредствомъ радостнаго стремленія къ труду. Но все это возможно только при помощи свыше. „Для сего примите всеоружіе Божіе, дабы вы могли противостать въ день злый и, все преодолѣвъ, устоять“ (Еф. 6, 13); пребывайте въ постоянномъ молитвенномъ общеніи

съ Христомъ и съ Богомъ и преодолювайте нечистый жаръ чувственной страсти святымъ огнемъ любви къ Богу и ближнимъ.

И васъ, дѣвушки, какъ героини, хотѣли бы мы включить въ наше войско. Дѣйствительно, вамъ нужно геройское мужество, и геройскую силу, чтобы въ нынѣшнее время защищать свою честь и достоинство противъ хитрости и соблазна, обмана и грубой силы, противъ безчестныхъ людей, ни за что считающихъ женскую честь и достоинство. Но не робѣйте и не бойтесь. Если святилище вашей души остается чистымъ, если вы не выпускаете изъ рукъ орудія молитвы, если вы часто объединяетесь съ небеснымъ Женихомъ во святомъ причащеніи и всегда остаетесь и боретесь подъ бѣлоснѣжнымъ знаменемъ пречистой Дѣвы, то все могущество злыхъ людей и всѣ силы ада не могутъ нисколько повредить вамъ.

Мы всѣ будемъ выполнять свой долгъ въ этой борьбѣ противъ самаго губительнаго изъ всѣхъ злѣй. Этого требуетъ отъ насъ забота о нашей душѣ и о нашемъ счастьи, этого требуетъ забота о нашихъ дѣтахъ и воспитанникахъ, этого требуетъ любовь къ нашему народу и отечеству. Къ этому въ началѣ поста призываетъ насъ труба страшнаго суда. Ея ужасный звукъ долженъ напомнить совѣсти каждаго слова Писанія: „Знайте, что никакой блудникъ или нечистый не имѣетъ наслѣдія въ царствѣ Христа и Бога (Еф. 5, 5). Не обманывайтесь; Богъ поругаемъ не бываетъ. Что посеетъ человекъ, то и пожнетъ. Сѣющій въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ тлѣніе; а сѣющій духъ отъ духа, пожнетъ въ жизнь вѣчную“ (Гал. 6, 7 сл.). Таковы святія слова Божіи и они останутся вѣчно вѣрными; небо и земля прейдутъ, слова же Божіи не прейдутъ.

(„Христіанинъ“).

Отъ Ректора Императорскаго Варшавскаго Университета.

Объявляется, что, согласно разрѣшенію Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ началѣ 1909-10 академическаго года воспитанники православныхъ духовныхъ семинарій, окончившіе 4 и 6 классовъ, принимаются въ Варшавскій университетъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) безъ экзамена—имѣющіе въ аттестатахъ не менѣе 4 въ общемъ выводѣ по общесобразовательнымъ предметамъ (русскій яз., древніе языки, математика и физика) при удовлетворительной отмѣткѣ по одному новому языку (фр. или нѣм. яз.) на факультеты: историко-филологическій, юридическій и медицинскій;

2) по экзамену при университетѣ по математикѣ и физикѣ тѣ же воспитанники на физико-математическій факультетъ;

3) по экзамену при университетѣ по математикѣ, физикѣ и одному новому языку на всѣ факультеты окончившіе 4 и 6 классовъ и неудовлетворяющіе требованіямъ п. 1-го.

Документы подаются до начала занятій въ университетѣ.

№ 2664

Содержаніе. Отдѣлъ неофициальный. I. Бодрая школа. II. Религіозная жизнь въ Америкѣ. III. Какое добро для прихода можетъ сдѣлать христіански-просвѣщенная матушка? (Окончаніе). IV. Одинъ изъ вопросовъ, поднимавшихся на минувшемъ всероссійскомъ съѣздѣ законоучителей. V. Жертва. (Окончаніе). Посланіе къ паствѣ противъ усиливающейся современной безнравственности. VI. Отъ Ректора Императорск. Варшав. Университета.

Временно и. об. Редактора, препод. Сем. А. *Веселовскій*.

Цензоръ, Протоіерей *Петръ Успенскій*.
